

ЕЖЕНЕДЕЛЬНИК

Советской Юстиции

РЕДАКЦИЯ и КОНТОРА:

Москва, Кузнецкий Мост, д. 7. Телеф. 1-05-62.

ЦЕНА НОМЕРА в Москве и провинции 35 коп.

№ 27-51

9 июля 1924 г.

№ 27

Ст. I. Гражд. Код. и права госорганов по договорам.

38826
1924 г.

1. Советские юристы, комментирующие ст. I Гражд. Кодекса, большей частью останавливают свое внимание на проблемах, связанных с вещными правами. Как пример применения ст. I. приводятся случаи, когда собственник мельницы не пускает ее в ход (Гойхбарг), когда он предполагает снести на слом дом, годный для жилья, и т. п. На применении принципа ст. I к вопросам обязательственного права останавливаются гораздо меньше¹⁾. Между тем, едва ли мы ошибемся, если скажем, что на практике перед судебными органами вопрос о применении ст. I к договорным правам возникает не реже, а может быть и чаще, чем о применении этой статьи к вещным правам. При этом, т. к. вещные права госорганов имеют гораздо более ограниченный характер, чем обязательственные, то неудивительно, что практика в отношении госорганов чаще останавливается перед вопросом именно о пределах применения ст. I к договорным правам, и как-раз по этому вопросу существуют значительные разногласия.

Такое разногласие отмечено Т. Гойхбаргом в его докладе на V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции. Говоря о деятельности арбитражных комиссий, т. Гойхбарг привел следующую выдержку из решения В. А. К. от 30 октября 1923 г.:

«Колебание силы договоров, составляющих основу планомерной организации хозяйства, произвольными нарушениями той или другой стороны недопустимо. В интересах государственного хозяйства важнее соблюдать этот общий принцип охраны договоров между государственными и предприятиями, ведущий к планомерному развитию хозяйства в целом, чем в отдельном случае освободить сторону от выполнения заключенного ею даже явно невыгодного договора».

¹⁾ В издании Гражд. Кодекса, комментируемом Малицким, из 8 примеров правоотношений, к которым должна быть применена ст. I, к области обязательственного права относится лишь один: случай согласия кредитора предоставить отсрочку долга на унизительных для должника условиях.

Т. Гойхбарг находит, что это положение В. А. К. не только лишает смысла существование особых арбитражных комиссий, но и противоречит основным принципам нашего законодательства, изложенным в ст. 4 Г. П. К. и ст. I Г. К.

Таким образом, вопрос о применении ст. I ГК к договорным правам госорганов неразрывно связан с вопросом о соблюдении «общего принципа охраны договоров между государственными учреждениями и предприятиями», и из этого ясно его значение для судебной практики.

2. Точка зрения ВАК с еще большей выпуклостью изложена в другом решении, где сказано следующее:

«Сила договоров должна быть охраняема, в чем заключается основное условие устойчивости оборота. Если известные отступления от этого начала возможны в процессах между частными лицами, где суд рабоче-крестьянского государства может и должен в отдельных случаях в интересах трудящихся, ослаблять формальную силу договора, то в области советского хозяйства такие отступления могут иметь место только в исключительных случаях... применение указанного начала (сохранения силы договоров) имеет настолько важное значение, что должно превалять над частными соображениями, по которым таковое применение могло бы в отдельном случае оказаться экономически не вполне целесообразным»¹⁾.

Таким образом, из этого решения совершенно ясно вытекает, что ст. I Гражд. Код. может иметь применение в отношении споров между госорганами лишь в особо исключительных случаях в противоположность правоотношениям между частными лицами.

Мы считаем эту точку зрения ошибочной.

¹⁾ Решения В. А. К. Выпуск III. Решение № 125 по делу Донского обхода и горнопромышленного треста Донского СНХ. стр. 276. Цитированное Т. Гойхбаргом решение напечатано в том же выпуске под № 247.

3. С формальной стороны из общего принципа, изложенного в ст. 1 Гр. Код., разумеется, нет никаких оснований делать изъятия для госорганов. По существу же можно с гораздо большим основанием утверждать, что в отношении договорных прав госорганов ст. 1 должна находить более широкое применение, чем в отношении прав частных лиц.

В нашем праве пределы, внутри которых управомоченное лицо может располагать по своему усмотрению своим правом, не нарушая его социально-хозяйствен. назначения, в высшей степени различны для различных отраслей хозяйственной жизни и различных субъектов права. Так совершенно различны, прежде всего, вещные права частных лиц, кооперативов и госорганов. При этом право распоряжения имуществом принадлежит госорганам в самом ограниченном размере.

Не только все то имущество, которое не уничтожается целиком в одном акте производства, как основной капитал, может быть отчуждаемо лишь с разрешения центрального регулирующего органа (ВСНХ) по ст. 16 и 28, п. «а», декрета о трестах, но и распоряжение оборотным капиталом принадлежат также СТО и ВСНХ (ст. 5), которые разрешают вопросы об изменении уставного капитала (ст. 28, п. «ж») и могут делать постановления об обязанности треста заключить договор на передачу своей продукции другому госоргану по цене «ниже рыночной, но не ниже себестоимости, с начислением средней прибыли» (так-наз. «запоряживание» по ст. 49 декрета о трестах).

В области трудового права свободное усмотрение сторон поставлено нашим законодателем в гораздо более узкие рамки, чем в других областях. Поскольку же на госорганы их уставами или ведомственным распоряжением возлагается обязанность заключать с соответствующими профсоюзам коллективные договоры, постольку и эти ограниченные рамки свободного усмотрения сводятся до совершенного минимума. Нарушение предписанных законом норм влечет за собой не только недействительность трудового договора, по 4 ст. Код. зак. о тр., но и уголовную ответственность.

В области обязательственного права свободное усмотрение госорганов — даже в случае договора между госорганами — более ограничено, чем в других областях, прежде всего, в отношении подрядов и поставок (обязательная неустойка под страхом недействительности договоров) и т. д.

Далее, на ряду с уже упомянутым «запоряживанием», государство налагает на госорганы специальные ограничения, предписывая им: а) при прочих равных условиях оказывать преимущество госорганам и кооперации (ст. 50 декрета о трестах), б) не обращаться к помощи частных посредников, в) торговать только изделиями своего производства или совершать только те операции, которые разрешаются их уставами (декреты от 2 января 23 г.), и т. д.

Таким образом, наша хозяйственная система характеризуется совершенно различными пределами свободного усмотрения, предоставляемыми государством различным субъектам права, и притом свобода «усмотрения» госорганов уже, чем частных лиц, и в соответствии с этим ст. 1 Гр. Код. должна

иметь в отношении их большее применение, чем в отношении частных лиц.

4. Указанное положение представляется бесспорным и по другим соображениям. Ответственность, возлагаемая государством на его служащих, выполняющих хозяйственные функции, совершенно не та, что ответственность частных лиц. За сообщение неправильных сведений должностное лицо, отвечает, как за служебный подлог, за нарушение своих обязанностей в доверенной ему сфере деятельности, как за превышение власти, бездействие власти и т. д. Облекая лиц, выполняющих хозяйственные задачи, обязанностями должностных лиц (прим. к ст. 105 Уг. Код.), закон тем самым ясно указывает, какое особо важное значение он придает правильному осуществлению тех прав, которые он им поручает.

С другой стороны, в отношении имущественных споров между госорганами закон считает необходимым особо оговорить, еще до введения в действие Гражданского Кодекса, что арбитражные комиссии, разрешая спор о праве, на основании действующих законов могут, «принимая в соображение общегосударственные интересы, постановить... о полном или частичном освобождении от обязательства или ответственности» (ст. 13 положения об арбитражных комиссиях от 21 сент. 1922 г.).

Если, таким образом, после закрепления за участвующими в обороте госорганами и частными лицами «основных частных и имущественных прав» (пост. ВЦИК от 22 мая 1922 г.) советская власть сочла необходимым предоставить арбитражным комиссиям такое право, то тем больше оснований полагать, что устанавливая затем в ст. 1 Гр. Кодекса принцип обусловленности права выполнением его социально-хозяйственного назначения, — законодатель не мог иметь в виду применение этого принципа только (или хотя бы преимущественно) к частным лицам; напротив, правильнее заключить, что применение этой статьи к правам госорганов предполагается, во всяком случае, в неменьшей мере, чем к правам частных лиц.

Все эти соображения дают основание утверждать, что ст. 1 Гражд. Кодекса относится ко всем без исключения субъектам прав, а не только к частным лицам, и что в отношении прав, принадлежащих госорганам по договорам и, в особенности, по их взаимным договорам, пределы применения этой статьи должны быть более широкими, чем в отношении прав частных лиц в их взаимных отношениях.

5. Правильное разрешение поставленного вопроса возможно, вообще, при условии надлежащего понимания хозяйственной жизни С. С. С. Р. У нас в хозяйственной жизни соедраются 2 начала: социалистическое и частно-хозяйственное.

Роль государства, как хозяйствующего субъекта, не только была исключительно господствующей в период так-называемого «военного коммунизма», но остается таковой и при новой экономической политике. Мало того, по мере того, как хозяйственная жизнь страны восстанавливается, эта роль государства, как хозяйствующего субъекта, становится все более господствующей, и вместе с тем на первый план выдвигается, не может не выдвигаться и пла-

новое начало по сравнению с началом договорным.

Когда в 1921-22 г. г. допущение частной инициативы являлось единственным средством для оживления всей хозяйственной жизни страны, находившейся в состоянии паралича, государство должно было поставить ударной задачей «установление точных взаимоотношений» госорганов с частными лицами и частных лиц между собой и «предоставление вытекающих отсюда правовых гарантий» (постановл. III сессии ВЦИК IX соз. об основных частных имуществ. правах от 22 мая 1922 г.).

Тогда была поставлена задача внедрить договорное начало в отношения между хозяйствующими субъектами, и в соответствии с этим ВАК проделала работу первостепенной важности, воспитывая в госорганах сознание необходимости серьезно относиться к заключаемым ими договорам и разъясняя им, что для признания договора недействительным недостаточна ссылка на неопытность в коммерческих делах дирекции треста и на «интеллектуальное неравенство» представителей сторон (решение ВАК № 12), что ссылка НКПС на непредоставление Наркомфинном в его распоряжение надлежащего количества денежных знаков не может освобождать его от обязанности платить по договору (решение № 128), и т. д. По мере того, как хозяйственная жизнь на новых началах соединения национализированных крупнейших отраслей промышленности и транспорта с допускаемой в известных пределах частно-хозяйственной инициативой начинает приобретать реальные формы и развиваться, задачей государства является, на ряду с сохранением «точных взаимоотношений» хозяйствующих субъектов, укрепление планового начала, увязка отдельных органов государственного хозяйства в одно согласованное целое. Эта хозяйственно-политическая задача ближайшим образом получила толчок от кризиса осени 1923 г. Государство вынуждено было поставить себе задачей планомерное снижение цен, для чего был предпринят ряд мер, регулировавших деятельность госорганов, которые достаточно известны. Как пример дальнейших форм, которые принимает проведение планового начала, можно привести меры по внедрению в потребление доцепого топлива и т. п. Выдвинутой жизнью процесс должен был быть постепенно осознанным. Он нашел свое выражение в постановлениях высших партийных организаций по вопросам хозяйственной политики; постепенно он начинает находить свое выражение и в судебной практике. Если в первое время при «новой экономической политике» главной задачей суда (и арбитражных комиссий) должно было быть «охранение силы договоров», необходимое для устойчивости хозяйственной жизни на новых началах задачей суда, как и всех других государственных органов, на ряду с этим, становится укрепление связи госорганов, как различных частей единого целого, а это предполагает соответствующую оценку социально-хозяйственного назначения предоставляемых им прав. Отчасти, хотя еще не вполне отчетливо, это выражено в решении Верховуд по делу Юго-Вост. пункт. Госбанка с Хлебопродуктом¹⁾, признавшем,

что «отношения между госорганами всегда должны быть добросовестными». Очевидно, Верховуд хотел этим сказать не то, что отношения между частными лицами могут быть недобросовестными. Мысль Верховуда нужно понять в том смысле, что отношения между госорганами должны быть всегда безусловно добросовестными, более добросовестными, чем отношения между частными лицами. При этом содержание понятия «добросовестности» дается, разумеется, ни чем иным, как социально-хозяйственным назначением их, заключающимся в том, что различные госорганы являются, по своей природе, органами одного хозяйствующего субъекта — государства, имеющими одну цель — построение социалистического хозяйства. Следовательно, понятие «добросовестности» здесь представляется не в смысле торгового оборота капиталистических стран, а в том смысле, в каком может идти речь о взаимоотношениях между частями одного и того же хозяйственного целого.

Между прочим, это выражено в другом (ненапечатанном) определении Верховуда: по жалобе О.-З. Госторга на определение Ленинградского губсуда о распределении денег между кредиторами гр. Чудновского от 1/II 1924 г.

Здесь Верховуд, отменяя определение Ленинградского губсуда, отказавшего в праве преимущественного перед частными лицами удовлетворения из имущества должника кредиторам-госпредприятиям, полагает, что вывод губсуда о том, что правом на преимущественное удовлетворение пользуются по ст. 266 Г.П.К. лишь государственные учреждения, но не государственные предприятия, «противоречил бы всей структуре советского государства, которое в своих отношениях в области хозяйственной торговли и т. д. мыслится как единое целое против частных лиц и учреждений».

Нет надобности останавливаться на вопросе о том, правили ли вывод Верховуда по существу. Можно, рассматривая советское государство, как единое целое, выступающее против частных лиц и учреждений, выделить в пределах этого единого целого органы, имеющие различные имущественные права. Так делает наш закон в отношении органов Наркомфина и соцстраха, имеющих права взыскания в беспорядном порядке, в отношении железных дорог, устанавливая обязательный рекламационный порядок заявлений, претензий и т. д. Можно, следовательно, признать, что хозорганы, переведенные на коммерческие начала, приравниваются в отношении права взыскания с имущества частных лиц к частным лицам, как они приравниваются к частным лицам, напр., в отношении гербового сбора. Но исходное положение, что все органы советского государства в целом ряде основных моментов их существования являются единым целым, направляемым в своей деятельности общецелью, представляется совершенно беспорядным. А сообразно с этим совершенно беспорядно, что свободное усмотрение в договорных отношениях госорганов может быть допустимо лишь в пределах соответствия их деятельности этой единой цели.

6. В особенности узки пределы свободного усмотрения для тех госорганов, которым предоставлены государством монопольные права в той или иной хозяйственной отрасли. Предоставление таким органам

¹⁾ См. „Еженед. Сов. Юст.“ № 7.

«свободы» означало бы отдачу на их произвольное усмотрение важнейших интересов их контрагентов. Уже буржуазное право именно по этой причине строго нормирует договорные отношения в области, напр., жел.-дор. перевозок, уничтожая какую бы то ни было «свободу» для монопольного хозяйственного предприятия.

В нашей хозяйственной системе значительная часть госпредприятий обладает юридической или фактической монополией. Монополии не имеют многочисленные «торги», тресты предприятий полиграфической, пищевой, кожевенной промышленности. Напротив, внешняя торговля и целый ряд важнейших отраслей промышленности фактически монополизированы соответствующими госорганами. Поскольку их социально-хозяйственное назначение заключается в непосредственном осуществлении в целях развития производительных сил страны, монополизированных государством прав, постольку в отношении этих органов масштаб применения ст. 1 Гражд. Кодекса должен быть совершенно иной, чем в отношении других хозяйствующих субъектов. Законодательство никогда не может охватывать всех вновь возникающих явлений, общественной жизни. Поэтому лишение судебных органов права парализовать осуществление прав госорганов-монополистов в отдельных конкретных случаях, когда оно противоречит социально-хозяйственным функциям, для которых эти госорганы созданы, могло бы повести к угрожающему хозяйственному деспотизму этих госорганов в отношении всех их контрагентов, а затем и потрясениям хозяйственной жизни.

7. Сказанное относится к применению не только ст. 1 Гражд. Код., но и других статей, в которых нашел свое выражение тот же принцип: ст.ст. 30, 32, 33, 142 и др. Нельзя признать имеющими одинаковое содержание понятия: «в обход закона» и «к явному ущербу для государства» (ст. 30), когда речь идет о частных лицах и когда действующими лицами являются госорганы, представляемые должностными лицами, имеющие специальные обязанности, порученные им государством.

8. В последнее время вопрос о применении ст. 1 Гражд. Код. к договорам между госорганами получил большой интерес в связи с решениями Ленинградской арбитражной комиссии о признании прибыли госорганов продавцов чрезмерной.

В связи с временным подъемом цен на сахарный песок в июле—августе 1923 г. (примерно с 11 руб. за пуд до 21 рубля) в названную арбитражную комиссию было предъявлено несколько исков о признании уже исполненных сторонами договоров недействительными или об обязанности ответчика-продавца проинвестировать перерасчет.

Арбитр. комиссия все эти дела решила в пользу истцов, исходя из того, что все госпредприятия «не могут и не должны забывать в своей деятельности о той цели, ради достижения коей они вызваны к существованию; целью этой является развитие производительных сил страны... В частности, ближайшей задачей здорового торгового посредничества как общественно-полезной и необходимой деятельности, является выполнение определенной общественной-необходимой работы: продвижение товара от производителя к потребителю и распределение товаров среди потребителей. Органы торго-

вого посредничества правильно выполняют свою задачу и оправдывают свое существование лишь постольку, постольку вызываемое ими вздорожание товара не превышает некоторого нормального предела, определяемого общественно-необходимым расходом на организацию и оплату труда посреднического аппарата... Нездоровая торговая деятельность, принимающая спекулятивный характер, не может пользоваться покровительством закона, и вытекающие из нее права на основании ст. 1 Гражд. Кодекса охране закона не подлежат»¹⁾.

Основываясь на этом, арбитражная комиссия, приняв без изменений калькуляцию себестоимости сахарного песка, предъявленную ответчиками, признала допустимым прибавление к этой цене чистой прибыли в размере не свыше 10% и, таким образом, установила цену сахара в 13,09 черв. руб., в двух случаях и в 14 р. 28 в третьем, а излишне полученные суммы признала подлежащими возврату истцам.

Дальнейшая судьба всех трех дел была различна.

По первому делу ВАК, стоя на указанной выше формально-договорной точке зрения, изменила решение и отказала в иске, исходя из того «основного соображения», что «первостепенной задачей АК должна явиться охрана договоров, представляющих собою основную форму обеспечения нормальной работы госпромышленности».

Совет Труда и Обороны, куда дело поступило по жалобе истца, в заседании 11 января с. г. предложил ВАК вторично рассмотреть дело «с более конкретным учетом местной обстановки и финансового положения сторон». Вторично дело, однако, не рассматривалось ВАК ввиду состоявшегося между сторонами миролюбивого соглашения.

Разрешая вскоре после этого второе аналогичное дело, ВАК вновь отказала в иске, но уже, повидимому, оставила формальную точку зрения охраны договоров. Отказ основан на том, что сделка совершена на бирже, что «определение прибыли связывается не только с каким-либо определенным процентом себестоимости, а с общими торговыми расчетами по реализации не только данных, но и других товаров продавца», и что в деле нет «каких-либо особых, исключительных обстоятельств, указывающих на наличие действительных оснований, выходящих за пределы допустимых в торговом обороте»²⁾.

Наконец, последнее такое же дело—где сделка была совершена по цене, значительно превышающей цену первых двух сделок, и притом не на бирже—еще не закончено: признав дело недостаточно выясненным, Высшая Арбитражная Комиссия (на этот раз не при СТО, а при ЭКОСО РСФСР) постановила решение отменить и дело передать на новое рассмотрение в ту же арбитраж. комиссию.

Мы полагаем, что изложенные выше соображения дают ключ к правильному разрешению подобного рода споров.

Разумеется, задача арбитражной комиссии не может свестись к «охране договоров». С другой стороны, и одного факта «чрезмерной прибыли» не-

¹⁾ См. журн. «Рабочий суд» 1924 г., № 3, стр. 198—199.

²⁾ Первое решение ВАК было напечатано в газете «Торг. пром. курьер»; второе, кажется, не появлялось в печати.

достаточно для удовлетворения иска. Лишь тщательный анализ всей фактической обстановки сделки с учетом того, каков понесенный покупателем убыток и чем, именно, он вызван, каково социально-хозяйственное назначение данного госоргана-продавца, а с другой стороны, госоргана-покупателя, даст возможность правильно разрешить вопрос о применении к делу ст. 1 Гр. Код.

9. Таким образом, мы полагаем: 1) что договорные права госорганов обязательно должны рассматриваться судом (или арбитражной комиссией) с точки зрения принципа, изложенного в ст. 1 Гр. Код., который в отношении их должен иметь еще большее применение, чем в отношении прав частных лиц; 2) что в особенности это относится к правам по договорам госорганов между собою, так как все они «мыслятся, как единое целое,

против частных лиц и учреждений»; 3) что, наконец, это наиболее применимо к госорганам, осуществляющим монополию государства в какой-либо области, так как нарушение ими их социально-хозяйственных функций может привести к самым вредным для хозяйственной жизни последствиям.

В связи с этим мы приходим к выводу, что иск госоргана о признании прибыли его контрагента, также госоргана, чрезмерной и об обязанности его произвести перерасчет и вернуть излишне полученные суммы может подлежать удовлетворению, если арбитражная комиссия установит по фактическим обстоятельствам дела извращение продавцом его социально-хозяйственного назначения и причинение истцу убытков данной сделкой.

А. Фарбштейн.

О совершении и засвидетельствовании нотариальным порядком.

После Октябрьской революции одновременно с упразднением окружных судов («С. У.» 1917 г. № 4, ст. 50) были упразднены и нотариальные архивы при окружных судах, а вместе с ними отошел в вечность и «крепостной» порядок совершения актов, соединенный с утверждением актов старшим нотариусом. После декрета 2-го Всероссийского съезда советов от 26 октября 1917 г. («С. У.» 1917 г. № 1, ст. 3) об отмене права частной собственности на землю, декрета ВЦИК о социализации земли («С. У.» 1918 г. № 25, ст. 346), декрета СНК об отмене наследования по закону и по завещаниям («С. У.» 1918 г. № 34, ст. 456) вывелся и нотариальный порядок совершения актов, который по законам дореволюционного времени был обязателен для актов о переходе или ограничении прав собственности на недвижимое имущество (ст. 21 «временных правил» для руководства нотарусов, изданных в 1867 г.) и для «духовных» завещаний (ст. 1012 и прим. т. X, ч. 1 свода законов). Таким образом, исчезли из практики нотариата как утверждение актов ст. нотариусом, так и ведение актовых книг, громоздких и тяжеловесных, единообразного формата (ст. 29 пол. о нот. части 1866 г.) «Листы этих книг должны быть 10 вершков длины и 8 в. ширины» (ст. 30 того же положения). Сложная процедура утверждения актов старшим нотариусом и запись актов в актовую книгу были предметом постоянных нареканий нотариусов и их клиентуры.

Осталась в нотариальных конторах лишь одна форма нотариальных действий: засвидетельствование. В циркуляре НКЮ от 2-го октября 1920 г. № 24 говорится лишь о засвидетельствовании. Циркуляром НКЮ 1921 г. № 36 вводятся подробные правила относительно порядка засвидетельствования договоров, сделок и доверенностей на управление имуществом. Засвидетельствования должны записываться в особые книги, а на свидетельствуемых документах делаться надпись.

С изданием декрета СНК от 8-го августа 1922 г.

о разрешении отчуждения немунципализированных строений в городах вводится еще один порядок для этих сделок. Сделки эти должны «совершаться» в губернских отделах юстиции и уездных бюро юстиции. Подробные правила совершения этих сделок изложены в инструкции НКЮ и НКВД за № 327 по применению этого декрета. Акты совершаются в двух экземплярах: 1-й экземпляр препровождается в коммунальный отдел для регистрации и выдачи покупателю, а 2-й экземпляр остается в нотариальном столе. По истечении года экземпляры актов сшиваются в хронологическом порядке в одну книгу. В практике этот порядок стал называться нотариальным, хотя ни в законе, ни в циркулярах он так не называется.

Введен в это время еще один вид нотариальных действий: «регистрация» договоров государственных подрядов и поставок в губернских отделах и уездных бюро юстиции («С. У.» 1922 г. № 9, ст. 549). На практике регистрация была отождествлена с засвидетельствованием. Впрочем, обязательная регистрация договоров подрядов и поставок вскоре была отменена (декрет СНК от 4-го ноября 1922 г., «С. У.» 1922 г. № 43, ст. 515).

С изданием Положения о гос. нотариате издания 1922 г. («С. У.» 1922 г. № 63, ст. 807) опять появляются актывые книги. Вводятся опять две нотариальные формы: совершение актов в нотариальном порядке и засвидетельствование договоров в нотариальном порядке (ст.ст. 22—24). Для внесения нотариальных актов нотариальные конторы ведут по форме, выработанной НКЮ, актовую книгу (ст. 20), и в Гражд. Кодексе сохраняется то же деление на две формы и внесение нотариальных актов в актовую книгу (ст.ст. 28, 103 и 109).

При совершении актов нотариальным порядком, акт записывается в нотариальную актовую книгу, в книге стороны его подписывают. Подлинником считается запись в актовую книгу. Стороны же получают выписку из книги, имеющую значение подлинника. При засвидетельствовании нотариальным

порядком стороны представляют нотариусу сделку в готовом виде, и нотариус на ней делает надпись о засвидетельствовании. Подлинный акт получают стороны, а в делах нотариальной конторы остается копия. Как в том, так и в другом случаях проверяется самоличность участвующих в акте, подлинность подписей, законность сделки и право сторон на ее совершение. Таким образом, разница между обоими указанными видами нотариальных действий заключается лишь в том, записывается ли акт в книгу или свидетельствуется самый подлинник, выдаваемый на руки. Если считать, что акт, записанный в книгу, представляет большую гарантию его сохранения, то следовало бы полагать, что, по крайней мере, нотариальный порядок совершения должен применяться к сделкам, имеющим особо важное значение. Но этого на самом деле нет.

Совершение нотариальным порядком обязательно для договоров: 1) об отчуждении и залоге муниципализированных строений (ст.ст. 90, 94, 185 и 207 Гр. Код. и 312 ГПК), 2) об установлении, отчуждении и залоге права застройки (ст.ст. 72, 79, 90, 94, 185, 207 Гражд. Код. и 312 ГПК), 3) дарения всякого имущества на сумму более 1.000 рублей (ст. 138 Гр. Код.), 4) о найме государственных коммунальных предприятий (ст. 153 Гр. Код.), 5) завещания (ст. 425 Гр. Код.).

Обязательному засвидетельствованию в нотариальном порядке подлежат: 1) договоры государственных и госпредприятий между собой и частными лицами, за некоторыми исключениями, указанными в ст. 137 Гр. Код. и других, указанных сепаратными законами, 2) доверенности в случаях, указанных в ст.ст. 265 и 266 Гр. Код., 3) договоры товариществ полных (297 Гр. Код.) и на вере (313 Гр. Код.).

Нельзя сказать что договоры первой категории во всех случаях представляют большее значение, чем договоры второй категории. Договоры государственных учреждений очень часто на весьма значительные суммы, конечно, важнее для государства, чем договор о залоге строения частного лица, между тем, первые договоры лишь свидетельствуют в нотариальном порядке, а для вторых обязательно совершение в нотариальной форме.

Совершение нотариальных актов с занесением их в актовую книгу—особенность формы совершения сделок в России еще с XVI века. Такая форма давно отвергнута теорией и практикой Западной Европы. Если в дореволюционное время такой осо-

бий нотариальный порядок был введен для договоров, касающихся недвижимого имущества, которое при царском строе особо охранялось, то в настоящее время вводить для актов об отчуждении строений и права застройки и завещаний какой-то исключительный способ совершения совершенно излишне: не имеется никаких оснований охранять особыми мерами именно это имущество.

Запись актов в актовую книгу чрезвычайно затрудняет работу нотариальных контор. Во время, когда повсюду переписка ведется почти исключительно на пишущих машинах, в актовую книгу приходится записывать архаическим способом: прописью, от руки. Акты о застройке и аренде обычно занимают несколько печатных листов. Стороны приносят проект акта уже в готовом виде на бланках, отпечатанных в типографии, а между тем, оказывается, что этот акт надо от руки переписать в актовую книгу, и для сторон назначается срок для явки, чтобы подписать этот акт в книге. Реестрант часто не успевает записать в книгу такой акт в несколько печатных листов в течение всего рабочего дня. И во все это время книга не может быть использована для других актов.

Нет в РСФСР ни одной нотариальной конторы, которая бы не находила этот порядок чрезвычайно обременительным. Гораздо практичнее вернуться к порядку совершения нотариальных актов, существовавшему в нотариальных столах отделов и бюро юстиции для отчуждения строений, о котором мы говорили выше. Деление сделок на совершенные и засвидетельствованные нотариальным порядком должно быть уничтожено. Сделки должны делиться на простые и нотариальные. На представленной стороной сделке или на изготовленном нотариусом проекте стороны подписываются и делается надпись о совершении акта. Акт немедленно пришивается к другим совершенным актам. Акты подшиваются в хронологическом порядке. В конце года переплетаются, и, таким образом, составляется нотариальная книга. Переплетаться эти книги должны в помещении нотариальной конторы. Стороны получают выписки из актовых книг.

В наше время, когда НОТ вводит всевозможные усовершенствования в производственную работу и упрощает формы делопроизводства, не место прежним формам, выработанным рутинной.

П. Трунев.

Тоже о пределах применения ст. 184 Угол. Код. *)

Говоря о пределах применения ст. 184 УК, автор статьи, А. Гиллерсон, задается вопросом: «Как надо понимать насилие, грозящее смертью или увечьем», и приходит к выводу, что «для признания наличности разбойного нападения необходимо, чтобы суд установил, что оружие, которое было у нападающего,

находилось в надлежащей исправности и что оружие это представляло действительную, т.-е. реальную, а не мнимую, угрозу жизни или здоровью лица, на которое нападение совершено. Без этого признака реальности угрозы разбоя в наличности нет». И далее, полемизируя с судами, автор статьи заявляет, что для признания разбоя недостаточно, «если у потерпевшего создано убеждение, что его жизни или здоровью грозит опасность». Далее следует пример с «шоколадным револьвером», могущим оказаться

*) См. ст. А. Гиллерсона в № 18 «Еженедельника Советской Юстиции». Редакция.

в руках нападающего в момент нападения. И если «потерпевший—рассуждает автор—тем не менее уступил кошелек, часы и прочее, то все же ясно, что в данном случае разбой не было». На вопрос, что же было, автор заявляет: «было открытое нападение (курсив наш. С. Ч.), соединенное с психическим насилием, не грозящим смертью или увечьем, т.е. деяние, предусмотренное 183 ст. УК, не знающей особо социально-опасных элементов и никому высшей мерой не грозящей».

Из последней цитаты читатель усмотрит, что автор не вполне ясно представляет себе, какое различие существует между 182 и 183 ст., с одной стороны, и 184 ст. УК, с другой. В самом деле, если мы вчитаемся в ст. 180 УК, то увидим, что кража есть тайное (курсив УК) похищение чужого имущества; сопоставляя ее с 182 ст., найдем, что грабеж есть та же кража чужого имущества, но учиненная открыто (курсив наш. С. Ч.). Ст. 183 так же, как и ст. 182 УК имеет главной целью защиту целостности имущества, допуская лишь, что вор, не отчаявшийся до того, чтобы подобно разбойнику (бандиту) выйти на большую дорогу, не решится на применение опасного (курсив наш. С. Ч.) для жизни и здоровья потерпевшего насилия. К тому же ст. 183, говоря о грабеже (т.е. открытом похищении чужого имущества, а не «нападении на кого-либо», —заметьте, гр. Гиллерсон!), соединенном с насилием, не опасным для жизни и здоровья потерпевшего, не приводит во 2-й своей части случая применения насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего.

Между тем, ст. 184-й законодатель поставил себе главной задачей охрану жизни и здоровья потерпевшего, почему и говорит: «разбой, т.е. открытое (с целью похищения имущества) нападение отдельного лица на кого-либо (курсив наш. С. Ч.), соединенное с физическим или психическим насилием, грозящим смертью или увечьем, карается лишением свободы на срок не ниже 3-х лет со строгой изоляцией, а при признании судом лица, совершившего преступление, особо социально-опасным—высшей меры наказания».

Таким образом, коль скоро доказано, что было совершено кем-то открытое нападение на кого-либо с целью похищения имущества, следует обратиться, по нашему убеждению, к 184, а не 183 ст. УК, ибо, как сказано выше, последняя предполагает вора, решившегося лишь на похищение чужого имущества, без применения опасного для жизни и здоровья потерпевшего насилия. Кроме сего, обращаясь к тексту ст. 183 УК, мы замечаем, что там, в противоположность ст. 184, слово «насилием» не подразделено на физическое и психическое насилие; и, нам кажется, что это вовсе не случайно, потому что лицо, поставившее себе целью открытое похищение чужого имущества (а не нападение на кого-либо), естественно, предпочтет сделать это безболезненно (ст. 182) и лишь с целью избежать преследования или задержания оно, в крайнем случае, решится оглушить (огорознить) потерпевшего (ст. 183); но если, ваче чаяния, при преследовании оно и убьет кого, то подлежит суду по 183 и 142 ст. ст. УК (законченный грабеж или неудавшееся покушение на грабеж с убийством).

Такое же обозрение ст. 182 УК приводит нас к убеждению, что вор-грабитель непосредственно

курсив наш. С. Ч.) протягивает руку к вещи (в присутствии лица, обладающего, пользующегося или ведающего им), а не обращает свое требование к кому-либо (курсив наш. С. Ч.) на предмет передачи ему находящегося у того вещи, денег и прочее, что, наоборот, делает разбойник, всегда готовый на убийство, нанесение увечья или принуждение потерпевшего к совершению определенных действий.

Выше я коснулся того состояния, когда вор-грабитель, совершая похищение вещи, встречает неугодного свидетеля или преследователя и устраняет это препятствие, могущее впоследствии изобличить его; мы обратимся теперь к случаю автора, когда вор-грабитель, застигнутый на месте преступления 15-летним мальчиком квартирохозяйки, на крик последнего ударом толстой палки по голове мальчика убивает его и хладнокровно доверяет (курсив наш. С. Ч.) начатую кражу. Автор сетует, что ему не удалось убедить суд, что «в данном случае мы имеем типичный случай убийства, с одной стороны, с целью ограбления квартиры, а с другой, с целью сокрытия другого преступления, кражи, и что то и другое предусматривается 142 ст. УК», но что «суд его судил и осудил по 184 ст. УК, при чем признал его особо социально-опасным».

Не отрицая за приговором суда «своей внутренней правды, так как преступление само по себе возмутительно (потому ли только?!), автор, тем не менее, рекомендует в законодательном порядке внести дополнение в ст. 142 о лицах «особо социально-опасных», которое внесено в 184 ст., и «не вынуждать суд прибегать к натяжкам или к нажиму на закон».

Но так ли это, и есть ли необходимость к такому дополнению к ст. 142 УК? Для ответа мы поставим себе на разрешение тот же вопрос, который ставил себе автор в начале своей статьи: как надо понимать «насилие, грозящее смертью или увечьем»?

Это насилие следует разбить на два вида прилюдения: физическое и психическое. О первом виде автор не спорит; второе, психическое насилие, грозящее смертью или увечьем, как мы себе представляем? Прежде, чем ответить, мы должны отметить, что психическое насилие каждое данное потерпевшее лицо претерпевает особо, субъективно. Для примера приведем такой случай:

1. А угрожает В настоящим, а не «шоколадным» револьвером и требует кошелек; однако, В не страшится, делает удачный прыжок в сторону А и метким ударом в висок оглушает нападавшего, памятуя, что промедление смерти подобно. Спрашивается, реальная угроза? Несомненно.

2. Теперь возьмем того же А, при том же положении нападающего на В. Последний, сильно напуганный, но весьма прыткий, показал пятки: пули не догоняли. Имеется ли также реальная угроза? Несомненно.

3. Тот же А угрожает оружием В в темноте. «Руки вверх»—послышалось потерпевшему, и тот обмер со страху и ни с места. А подошел, обшарил его, нужное отобрал и ушел. Была ли налицо реальная угроза, увидим ниже. Известно, что несчастный успел только заметить дуло направленного на него оружия, при слабом лунном освещении приметил отрубленный большой палец правой руки нападавшего и больше ничего. «Филлина»—так звали бандита—ранее он в лицо не

знал. Случайному раз'езду конной милиции Г успел назвать только приметы, и через 15 минут того настигли конные милиционеры. Тот достает из кобуры «шоколадный револьвер» и на грозные окрики «а-а, попался!», предлагает «дурака не валать, а ответить вместе с ним шоколаду». Те в недоумении: опять, значит, не смогли уличить старого «Филина» в конкретном разбойном нападении и... конечно, гр-н Гиллерсон предложит применить к нему не 184, а ст. 183 УК, так как, де, «реальной опасности» не предвиделось.

Нет, гр-н Гиллерсон, психическое насилие, грозящее смертью или увечьем, реально постольку, поскольку потерпевший в направленном на него оружии узнал или добросовестно предполагал смертоносное оружие, либо орудие, могущее нанести тяжелое увечье, хотя бы нарочито искусно замаскированное нападавшим. Важно при этом лишь то, чтобы нападавшее лицо желало и добивалось наступления у потерпевшего такого душевного состояния, при котором в психике его даже мнимая угроза преломляется, как действительно сущая реальная угроза лишиться жизни или получить тяжелое увечье.

В противном случае всякий «благоразумный» бандит, на ряду со смертоносным оружием, запасается также шоколадным или картонным револьвером, дабы при преследовании бросить действительное оружие, оставив в кобуре только шоколадное либо картонное, рассчитывая при этом подпасть под действие 183, а не 184 ст. УК.

Обратимся, однако, к заключительному моменту в рассуждениях автора о 1-й части 184 ст.: «чем, в самом деле,—спрашивает автор—открытое нападение, часто соединенное с одним лишь психическим насилием, без реального ущерба для жизни и здоровья, является более одиозным, чем вероломное убийство из-за угла с целью ограбления?»

На первый взгляд, как будто бы уместное недоумение; однако, стоит только сопоставить ст. 142 и др. со ст. 184-й, как сейчас же бросится в глаза

особая забота законодателя в вопросах охранения не только жизни и имущества отдельных граждан, но и порядка управления. Недаром преступление, предусмотренное 2-й ч. 184 ст., карается в соответствии с 76 ст. УК. На это указывает также помещение в 1-й ч. 184 ст. выражение: «а при призывании и судом лица, совершившего преступление, особо (курсив нап. С. Ч.) социально опасным—высшей мерой наказания». Мы подчеркнули слово «особо», ибо при признании лица просто «социально-опасным» суд в полном согласии с 49 ст. УК должен был бы лишь ограничиться «лишением права пребывания обвиняемому в определенных местностях на срок не свыше 3-х лет».

В заключение заметим, что автор, ссылаясь на текст ст. 76, справедливо отмечает, что «не всякое разбойное нападение группой является бандитизмом», и поэтому, «если группа состоялась для однократного разбойного нападения и не имела в виду систематических налетов, порчи путей и т. д., то наказание должно быть определено по 184, а не 76 ст. УК», хотя все-таки, заметим от себя, высшая мера в этих случаях должна быть применена и в плоскости 184 ст. УК, особенно в виду важности признания судом преступника «особо социально-опасным».

Такова общая тенденция пролетарской карательной политики, как нельзя лучше выраженная 184-й ст. УК, и она напоминает, что помимо условий, в 76 ст. означенных, однократные групповые разбойные нападения также могут быть подведены по существу под действие 76-й ст. УК.

Задачи исправления преступника и общего предупреждения преступлений—одинаково близки нам. Вопрос лишь в том, какал из двух основных задач нашей карательной политики должна превалировать в данных условиях, времени и месте, дабы успешнее завершить начатое дело борьбы за укрепление революционного порядка и законности.

С. Чикнаворян.

О ст. ст. 153 и 154 Угол. Код.

В «Еж. Сов. Юст.» часто приходится читать очень полезные для работников мест дискуссионные статьи, заметки и разъяснения по отдельным статьям уголовного права, материального и процессуального, но ни разу еще не затрагивался вопрос о некоторой невязке в главе V У. К.

По 153 ст. У. К. умышленное легкое телесное повреждение карается принудительными работами до 1 года или лишением свободы на тот же срок.

Неосторожное же легкое телесное повреждение карается по 154 ст. теми же наказаниями, но до 6 месяцев, т. е. вполне справедливо признало законодателем менее опасным деянием и нуждающимся вследствие этого в более слабом наказании. Ст. 10 УПК дает нам перечень статей, по коим уголовное преследование возбуждается не иначе, как по жалобе потерпевшего, и может быть прекращено за примирением сторон. В этом перечне упоминается ст. 153 УК, но отсутствует ст. 154, хотя указаны другие статьи, наказуемость по которым установлена в некоторых случаях равная пред-

усмотренной ст. 153 и тем самым превышающая наказуемость 154 ст. Мало этого. Из ст. 11 УПК видно, что некоторые преступления в области половых отношений и преступления весьма тяжкие также преследуются, хотя бы в виде возбуждения только дела, в порядке частного, а не государственного обвинения.

Как же это так получилось, что субъект, со злым умыслом причинивший кому-либо легкое телесное повреждение, освобождается от наказания, поскольку потерпевший не принес жалобы, хотя бы органы власти и были осведомлены о происшедшем, или, по крайней мере, может и в случае принесения жалобы в любой момент освободиться от наказания, своевременно помирившись с потерпевшим, а неосторожно действовавшее лицо, причинившее то же телесное повреждение, подлежит ответственности даже против желания потерпевшего, и преследование по этому делу возбуждается почему-то от имени государства.

В практике автора этих строк был случай получения из воинской части дознания по поводу прищипления легкой огнестрельной раны, вследствие неосторожного обращения с оружием, одним отделенным командиром другому, и потерпевший, ясно видевший отсутствие умысла, просил на дознании прекратить преследование виновника его раны, но, в силу ст. 10 УПК дознание было передано на суд для дачи законного хода. Мне неизвестно, как на суд поступил с дознанием, но, надо полагать, из соображений целесообразности прекратил его, допустив большую натяжку и обход закона.

Но зачем же нужны натяжки, когда вопрос так

ясен? Единственный довод, который мне пришлось слышать в защиту указанного порядка возбуждения дел по 154 ст. УК, это то, что причиняющий умышленно легкое телесное повреждение причиняет только его, а действующий неосторожно может причинить и более тяжкие повреждения, но, мне кажется, довод этот несостоятелен уже по одному тому, что намеревающийся причинить легкое повреждение также может вследствие неосторожности причинить увечье или даже смерть.

Во всяком случае, невязка несомненна, и, надо полагать, Наркомюст обратит на это внимание.

Л. Штейн.

Выводы из практики *).

(О делопроизводстве прокуратуры).

В своей статье «Лучше меньше, да лучше» тов. Ленин говорит о том, что мы, коммунисты, застрелщики мировой революции, часто пасуем перед малейшей реформой в области канцелярщины, боимся новшеств, когда речь идет об упразднении каких-нибудь бюрократически-канцелярских завитушек. «В области чиновничества, соблюдения форм и обрядов делопроизводства» — говорит т. Ленин — «наша революционность» сменяется сплошь рядом самым захлтым рутинерством». На практике слова тов. Ленина иллюстрируются каждодневно. Возьмем для примера хотя бы делопроизводство прокуратуры. При жестких штатах вопрос о правильном ведении делопроизводства более чем актуален, от налаженности, упрощенности канцелярии зависит в буквальном смысле слова продвижение непрерывного потока малых и больших дел, переписок и пр. Малейшая заминка создает затор в работе, пробка превращается в заваль, растет волокита и прочие прелести канцелярщины. А если учесть, что количество дел непрерывно растет (за первую четверть 1923 года в камере Мосгубпрокуратуры поступило 21.830 дел, а за первую четверть 1924 г. — 31.318, прирост 43%), то настоятельная потребность в упрощении процесса работы станет еще более очевидной. Практика показала, что запись дел (по инструкции) во входящие, исходящие, настоящие реестры, книги жалоб, алфавиты, обложки наблюдательных производств является совершенно ненужной, бесполезной работой. Помимо параллелизма записей, при слабой квалификации технических работников получается только пестрота завитушек в разных книгах, в которые никто, пожалуй, никогда и не заглядывает. Кто, в самом деле, будет читать по огромному фолианту-настольному реестру «сущность» судебного приговора? Ведь эту «сущность» товарищ, ведущий реестр, излагает по своему, стало-быть, всегда вернее будет прочесть приговор, а не его пересказ или чем окрестить обыкновенную папку, где хранятся бумаги по делу, особым названием «наблюдательное производство» и на этой же папке печатать и записывать те же вопросы и ответы, какие имеются в бесконечном количестве анкет и в соответствующих книгах. Зачем тратить зря буквально тысячи ссылок из входящей в исходящую и наоборот.

*). Помещая настоящую статью, Редакция обращает на нее внимание местных работников прокуратуры. Редакция.

Всю эту многоэтапную канцелярщину мы в Московской прокуратуре заменили с февраля-марта упрощенной карточной системой. Всякое более или менее сложное дело регистрируется на индивидуальной карточке, переписка — на групповой, корреспондентской. Карточный алфавит дает возможность быстро ориентироваться в регистрационных карточках и значительно упрощает наведение справок. За три-четыре месяца нам удалось при содействии инструкторов Р. К. И. поставить эту систему, систематически ее улучшать; теперь, по отзывам пом. прокурора наших 22 камер, уже чувствуется облегчение в работе. Нужно сказать, что при таком элементарном шаге вперед приходилось сталкиваться с целым рядом препятствий как со стороны технического персонала, так и (уву!) со стороны наших же товарищей. Специалисты от техники уверяли нас, что мы через одну-две недели совершенно «запутаем» все дела и, очевидно, в «целях» всячески нам помочь в течение месяца после введения карточной системы продолжали втихомолку вести свои «испытанные» книжные записи. Наши товарищи со стороны посмеивались над «непродуманной ломкой определенного порядка» и, во всяком случае, активно не помогал. Опыт показал, что этот маленький шаг вперед оказался для дела полезным, и мы думаем, что регистрацию дел по карточной системе надо ввести возможно скорее во всех судебно-следственных учреждениях. Мы не можем развить в дальнейшем, ускорить темп своей работы, поскольку наши постоянные корреспонденты остаются при более медленном темпе движения дел. Недавно пришлось подсчитать за день целых 19 напоминаний об ускорении ответов на наши запросы. Мы не можем точно и в срок отвечать на запросы граждан и учреждений, поскольку наши справки по поводу запросов направляются в других учреждениях. Чем скорее будет налажен технический судебно-следственный аппарат в целом, тем реальнее будут и наши скромные достижения. Карточная система является только одним из способов уменьшения волокиты и надо скорее перешагнуть через груды ненужных канцелярских книг, не надо допускать, чтобы и в дальнейшем, как писал т. Ленин, «у нас уживались рядом теоретическая смелость в общих построениях с поразительной робкостью по отношению к какой-нибудь самой незначительной канцелярской реформе».

С. Файнблит.

По поводу ст. 203 УПК.

Частые сомнения, возникающие на практике при применении судом в распорядительном заседании ст. 203 УПК, в самой последней ее части, где она касается направления дел в порядке предания суду, при несогласии суда с мотивами следователя о прекращении дела, заставляет меня попытаться рассеять эти сомнения путем детального разбора этого вопроса в печати.

Вопрос правильного понимания этой части ст. 203 УПК, для нашей повседневной судебной работы имеет чрезвычайно большое значение еще потому, что приходится, не закрывая глаза, принять во внимание то обстоятельство, что большинство следователей является элементом беспартийным, стоящим скорее всего на формальной точке зрения, в силу чего каждое дело, направляемое ими при настоящих условиях на прекращение, требует тщательной проверки судом. Необходимо отметить, что в противовес делам, направляемым следователем в порядке ст. 211 УПК, с обвинительными заключениями, приходящим в суд исключительно через прокурора, ст. 203 УПК представляет право следователю дела на прекращение направлять непосредственно в суд, при чем в отношении прокурора следователь ограничивается лишь тем, что посылает об этом уведомление, из чего видно, что закон даже не обязывает его посылать прокурору копии своего постановления о прекращении дела, а это еще более должно усугублять внимание суда при рассмотрении направляемых на прекращение дел; и вот при наличии таких условий, естественно, бывают такие случаи возвращения дел следователю не только на исследование, но и на предмет предания суду, между тем, к сожалению, на практике можно констатировать значительный пробел в последней части ст. 203 УПК, т. е. в той самой части, которая предоставляет суду право направления дела в порядке предания суду.

Нужно полагать, что никаких дебатов о том, кому должно быть направляемо дело в порядке предания суду, не может быть,— ясно, что следователю, так как порядок предания суду обусловлен целым рядом процессуальных норм, которые должны быть обязательно соблюдаемы, соответственно ст. ст. 128, 207, 210 и 211 УПК, и которые при теперешнем положении отнюдь не могут быть выполнены непосредственно судом. Но тут возникают два сомнительных вопроса: поскольку роль следователя в нашем законодательстве не сводится к одному лишь техническому проведению следствия, но и к производству оценки материалов следствия, будет ли этически допустимо навязывать следователю, направившему дело на прекращение, это же дело с предложением о предании суду, и является ли оно для него по смыслу ст. 203 УПК обязательным, и второе: о соблюдении каких правил, изложенных в главе XX УПК, при направлении дела в порядке предания суду трактует эта часть ст. 203 УПК, тогда как эта глава рассматривает исключительно лишь законченные дела с обвинительными заключениями, и только лишь часть одной ст. 235 УПК касается дел, рассматриваемых в порядке ст. 203 УПК, но исключительно в отношении порядка их рассмот-

рения, а тогда каким же образом следует понимать эту часть ст. 203 УПК?

А вот и характерные случаи из практики: гр-ка Л. была привлечена к следствию по признакам преступления, предусмотренного ст. 171 УК. Нарслед, рассмотрев дело, направляет таковое в суд в порядке ст. 203 УПК, за силой пункта 2-го ст. 202 УПК, на прекращение. Суд, рассмотрев в распорядительном заседании означенное дело с постановлением следователя о прекращении и усмотрев, что из материала дела обвиняемая Л. вполне изобличается в указанном преступлении собственным признанием, с постановлением нарследа не согласился и направил дело для предания суду тому же нарследу. Последний, однако, снова направляет дело на прекращение по мотивам, прежде изложенным, и суд вторично направляет это же дело с тем же предложением, каковое опять-таки не выполняется, и дело,—не знаю в каком порядке,—передается нарследом в ревизионно-инструкторский отдел губсуда и оттуда попадает снова в распорядительное заседание суда, где, наконец, если можно выразиться, скрепя сердце, оно прекращается. Спрашивается, возможны ли подобные случаи и отчего они возникают? Является ли это незнанием с чьей-либо стороны закона, упорством ли со стороны нарследа, или ст. 203 УПК недостаточно ясно изложена в этой части?

Ответ, по-моему, прост. Насколько ст. 203 УПК в первой и второй ее частях ясна, настолько эта часть, где она касается вопроса о направлении дела в порядке предания суду, изложена туманно и неполно, в виду чего, нужно полагать, интересы дела требуют дополнения этой статьи в указанном мною направлении, а именно, в целях большого достижения надзора за прекращением дел следователями, таковые надлежит направлять не непосредственно в суд, а через прокурора, каковой уже при своем согласии о прекращении дела делает предложение суду таковое утвердить, и лишь при несогласии суда с мнением прокурора оно подлежит направлению в порядке предания суду, при чем споры, возникающие по таким вопросам между прокурором и судом, должны решаться или судом, кому подсудно дело, или на манер дореволюционной практики (ст. 528 и др. уст. об уг. судопроизводстве) передаваться на окончательное разрешение Верховного суда.

В случае предоставления окончательного разрешения сторон губсуду предоставить ему право поручить кому-либо из членов суда, участвующих в расп. зас., закончить дело с соблюдением требуемых процессуальным кодексом формальностей, как это предоставлено ему в случаях, предусмотренных ст. 240 ч. II УПК в отношении пересоставления обвинительных заключений, или право передачи следов. для указанной цели в порядке отдельного поручения, каковое считать для следователя обязательным.

О том, что разногласия в смысле признания следователем или даже прокурором дела подлежащим прекращению, а судом—не подлежащим, могут возникать и возникают часто на практике, касаться я здесь не буду, так как этот вопрос ясный,

не возбуждающий никакого сомнения. Особенно эти разногласия возникают при рассмотрении дел, направляемых на прекращение по пункту 2-му ст. 202 УПК и ст. 197 УПК, вследствие чего я считаю, что возбуждаемый мною вопрос имеет важное прак-

тическое значение и полагаю, что в ближайшем будущем он найдет себе соответствующее разрешение.

Член Донского областного суда

А. Малов.

Нарсуды и единый сельско-хозяйственный налог.

Работа нарсудов по единому сельско-хозяйственному налогу за 1923/24 окладной год заканчивается, и хотелось бы на страницах «Ежен. Сов. Юст.» подвести итог ее положительным и отрицательным сторонам, дабы в наступающем 1924/25 окладном году взять более правильную и устойчивую линию по этой работе.

Мне кажется, что аппарат по исчислению налога, открытию злостных неплательщиков и т. п. настолько хорошо работал в текущем году, что никакая критика по отношению к нему уже неприменима. Может-быть, некоторые товарищи-судработники, наблюдавшие в своей работе перебои аппарата, укажут на них,—хочется вперед сказать: «семья не без урода», но всякое лыко ставить в строчку нельзя. Другое дело—работа ближайших помощников аппарата по принудительному взысканию налога. Здесь часто видна неподготовленность, неспособленность к проведению в жизнь данных им заданий, но и это, надеюсь, скоро изживется. Если от работы нарсудов достигались положительные результаты по поступлению единого сельско-хозяйственного налога, очень и очень часто получалось и обратное. Мы знаем, что, согласно § 32 инструкции ВЦИК и СНК о порядке привлечения к ответственности за нарушение декрета об едином сельско-хозяйственном налоге и о порядке возбуждения, направления и рассмотрения дел об этих нарушениях, судья, при вынесении приказа на основании представленного материала, не входя в обсуждение правильности определения признаков обложения и исчисления ставки налога, устанавливает факт несдачи налога в размере и в срок, своевременно объявленный плательщику, и, принимая во внимание заключение фининспектора или старшего налогоинспектора, определяет о немедленном изъятии части имущества неплательщика, необходимой на покрытие недобора и т. д. такой приказ на местах обычно срочно для исполнения сообщается ВИК'ам, и вот с этого момента начинается история, последствия которой приносят

налоговому аппарату не помощь, а вред, которые подрывают авторитет суда вообще и вот почему: помимо приказа, посланного ВИК'у для исполнения, один экземпляр такого посылается лицам, не уплатившим налога, получают они его одновременно с ВИК'ом. Проходит неделя, две, наконец, месяцы, в жизнь приказ не проводится. Я не хочу этим сказать, что ВИК'и наши слабы, бездейственны, ничуть не бывало. Нет, другие условия мешают провести в жизнь эти приказы. Нам известно, что при отсутствии у неплательщиков имущества, могущего быть изъятим на покрытие налога, он подвергается принудительным работам. Такому наказанию в селениях подвергаются десятки, иногда и сотни граждан, между тем, за отсутствием на местах решительно всякой возможности привести в исполнение эту часть приказа вообще, льется молва о безнаказанности неплательщика, несмотря на судебный приказ. При таком положении невольно возникает мысль, принесла ли работа судьи пользу делу? Лично мне кажется, нет; наоборот, она принесла только вред. Ведь нами определено указано, что финорганы могут изъять у неплательщика имущество, почему не представить этому же органу делать это без судебного приказа? Безусловно можно, и результаты получились бы другие. Во-первых, этот орган будет пользоваться, благодаря своим полномочиям, большей авторитетностью, а во-вторых, эти органы будут выяснять легче злостных неплательщиков; высшая сессия суда, наказав таких по заслугам, окажет действительную помощь налоговому аппарату.

Чего мы этим достигнем? Более успешного поступления налога, накажем действительно виновных, поднимем авторитет налогового аппарата и суда, разгрузим последний от громадной работы, изживем в суде залежи других дел, сэкономим средства, рабочую силу и т. д.

Хотелось бы, чтобы судработники откликнулись на это.

Бочаров.

О работе в уезде.

На всех с'ездах и совещаниях работников юстиции постоянно говорилось о необходимости приблизить нарсуды, юридическую помощь и прокуратуру к населению, но вопрос о том, как это сделать, до сих пор, однако, не разрешен. На практике на низах наблюдается следующее. Возьмем пример из Московского уезда, который имеет шесть

участков народного суда. Два из них находятся в гуще населения, в волостях; четыре же участка расположены в городе Москве и занимают одно здание, имея на все четыре участка одно зало для заседаний суда. И вот, будучи уездным судьей, камера которого находится в городе, наблюдаешь все те трудности, которые приходится преодолевать обра-

щающемуся в суд рабочему и крестьянину. С каким трудом рабочий, а в особенности крестьянин, попадает в нарсуд того участка, к которому он принадлежит по его местожительству, для того, чтобы подать жалобу или просьбу. Пример: та деревня, завод или фабрика, из которых он приехал в нарсуд, находится от Москвы в 15—20 верстах, а от железнодорожной станции он должен еще идти пешком 5—8 верст. Итак, только совершив вышеуказанное путешествие, крестьянин или рабочий попадает в свой участок нарсуда. После же того, как он сдаст свою просьбу или жалобу в нар. суд, он должен добираться обратно домой, как добирался в суд. Потом проходит приблизительно три недели времени после подачи просьбы в суд, и он вызывается повесткой в суд на разбор дела. Тут уже он идет не один в суд, а везет с собой минимум трех свидетелей, а потом обязательно ответчика или обвиняемого, вызванных повестками согласно названного заявления. Наконец, податель заявления приехал в суд и, сидя уже в зале, думает, «ладно, два раза я приехал в Москву в суд, истратился немножко, ну, зато суд сейчас разберет мою просьбу». Судья оглашает, что будет слушаться дело, в котором истцом является приехавший крестьянин или рабочий. Вдруг вызванный ответчик или обвиняемый вскакивает и, не давая нар. судье кончить, кричит: «прошу дело отложить и вызвать моих свидетелей». Такое ходатайство в большинстве случаев удовлетворяется, и дело слушанием откладывается. Из этого видно, что всякий обращающийся в суд приезжает в камеру нарсуды три раза и два раза таскает своих свидетелей, а ответчик приезжает в суд тоже два раза и один раз со свидетелями. И вот, наблюдая такие явления, приходится серьезно призадуматься, как эту про-

волочку искоренить и не обременять такими поездками крестьян и рабочих уездов, отрывая их на целый день от станков и сохи.

На мой взгляд, можно мыслить три выхода из этого положения: первый — это выезжать на места ежедневно. Это требуется потому, что в уездных судах, кроме дел отмененных в кассационном порядке и переданных из другого участка, и дел, которые можно разбирать в Москве, существуют дела, которые касаются деревни, фабрики, завода своего участка и которые могут рассматриваться в выездных сессиях в порядке 29 ст. УПК и 25 ст. ГПК. Такой способ неудобен, однако, и вот почему. Если судья и его секретарь будут находиться в раз'ездах, то некому будет принимать в камере суда граждан, приносящих заявления, а таковых приносятся ежедневно порядочное количество.

Второй выход — это перебросить нарсуды из Москвы по волостям, что предоставляется невозможным, ибо волостей гораздо больше, чем участков нарсуда: на каждый участок приходится не одна волость; и тогда рабочему или крестьянину еще труднее будет добираться до суда, чем ездить в Москву, так как ездить ему придется с пересадкой, через Москву. И, кроме того, будет затруднительна доставка арестованных к разбору дела в волость из Москвы, так как и без того средств недостаточно.

И вот, принимая все это во внимание, невольно напрашивается третий, но очень трудный для государства выход, а именно: увеличить в уездах штат судей, присоединить одного или двух членов коллегии защитников, да и в гущу населения, куда почаще приглашать прокурора.

Вот тогда «аппарат» будет на месте, о чем не замедлит сказать масса.

Народный судья 3 уч. Моск. уезда В. Беллев.

Обзор советского законодательства за время с 22 по 28 июня 1924 года.

А. Постановления Правительства Союза ССР.

1. Ст. 60 Кодекса законов о труде устанавливает две формы вознаграждения за труд: повременную, исходящую из нормального рабочего дня, и сдельную или поштучную, определяемую путем деления установленной дневной ставки данной категории труда на норму выработки. Постоянной формой вознаграждения в государственных учреждениях и предприятиях является повременная, размер которой не может быть ниже определенного минимума, ежемесячно публикуемого Народным Комиссариатом Труда; сдельная форма имеет преимущественное применение в предприятиях. Развитие государственной торговли поставило на очередь вопрос об иных формах постоянного вознаграждения торговых служащих и агентов. Уже положение о коммивояжерах государственных торговых и промышленных предприятий от 2 января 1923 г. («Собр. Узак.» № 1, ст. 19) устанавливает, что вознаграждение этих лиц должно быть исчислено в процентном отношении к сумме счетов по принятым при их посредстве заказам или по проданному при их посредстве товару; при чем уплата вознаграждения должна производиться не ранее оплаты полу-

лателями или заказчиками купленного или заказанного товара. Иными словами, выплата вознаграждения поставлена в зависимость не от затраты труда и времени, а от полезных для предприятия результатов этой затраты; другая форма вознаграждения для коммивояжеров воспрещена. Впрочем, последние не могут считаться государственными служащими в прямом значении этого слова; их отношения с предприятиями особого рода и основываются на договорах, не принадлежащих к категории трудовых. По государственные предприятия осуществляют свою торговую деятельность и через своих служащих, принадлежащих к личному составу предприятий. Так, постановление СНК от 2 января 1923 года о мерах к урегулированию торговых операций государственных учреждений и предприятий («Собр. Узак.» № 17, ст. 173) разрешает этим учреждениям и предприятиям организовывать свой собственный комиссионный аппарат. Очевидно, для побуждения лиц, занимающихся комиссионной деятельностью от имени предприятий, а равно и других торговых агентов, к проявлению инициативы для увеличения их заинтересованности в результатах своей работы повременная форма оплаты труда неприменима. В виду этого постановление

СНК Союза ССР от 17 июня об оплате труда торговых служащих государственных и кооперативных предприятий в форме процентного отчисления от чистой прибыли или оборота предприятий («Изв. ЦИК СССР от 22 июня, № 140) допускает особую форму вознаграждения для этой категории служащих, устанавливаемую особым письменным соглашением (трудовым договором) с предприятием. Размер отчислений, а также перечень тех видов службы, на которые распространяется этот способ вознаграждения, устанавливается центральными ведомствами и Центросоюзом по соглашению с Наркомвнутормом Союза ССР.

2. С введением в действие Кодекса законов о труде изд. 1922 года отпало действие норм, устанавливавших особые дисциплинарные права администрации железнодорожного и водного транспорта в отношении подчиненных им должностных лиц (постановление Совета Оборонот от 9 февраля 1920 г. о правах комиссаров и лиц технической администрации железных дорог в отношении наложений дисциплинарных взысканий в административном порядке на время военного положения — «Собр. Узак.» № 10, ст. 64, и положение СТО от 12 мая 1920 г. о правах комиссаров и лиц технической администрации водного транспорта в отношении наложения дисциплинарных взысканий в административном порядке на время военного положения — «Собр. Узак.» № 44, ст. 199; см. постановление СНК от 3 апреля 1923 г. — «Собр. Узак.» № 34—35, ст. 376). Ныне действующий общий порядок наложения дисциплинарных взысканий, установленный постановлением ВЦИК от 27 января 1921 г. о дисциплинарных взысканиях за нарушение служебной дисциплины в советских учреждениях («Собр. Узак.» № 8, ст. 58), по исключению из последнего п. «в» ст. 5, предусматривавшего высшую меру дисциплинарного воздействия — арест, не обеспечивает в достаточной мере безопасность движения на путях сообщения, нарушаемую несоблюдением правил технической эксплуатации, внутреннего служебного распорядка и трудовой дисциплины; недостаточно также воздействие дисциплинарных судов, которым, согласно положению от 7 июля 1923 г. («Собр. Узак.» № 54, ст. 531) подсудны лишь дела о служебных упущениях и проступках особо ответственных должностных лиц. Считаясь, однако, с вышеуказанными требованиями транспортной службы, постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 13 июня о предоставлении Народному Комиссару Путей Сообщений права подвергать в дисциплинарном порядке должностных лиц транспорта аресту на срок до трех месяцев («Изв. ЦИК СССР» от 24 июня, № 141) допускает это временное изъятие из действующего законодательства, мотивированное приведенными соображениями об особых условиях работы на транспорте.

3. Циркулярным постановлением Народного Комиссариата Труда Союза ССР от 24 июня о расширении права участия нанимателя в подборе рабочей силы, направляемой на работу биржами труда («Изв. ЦИК СССР» от 27 июня, № 144), нанимателю предоставлено право участия в этом подборе, независимо от числа и квалификации требуемых работников. Необходимыми условиями для осуществления этого права являются лишь соответствующее заявление, письменное или устное, и явка нанимателя на биржу для участия в подборе в срок ему указанный. Разпогласия, возникающие при участии нанимателя в подборе между ним и заведующим подлежащей профессиональной секцией, разрешаются заведующими или комитетами биржи труда.

4. Ст. 80 Кодекса законов о труде устанавливает, что призванные в Красную армию рабочие и служащие получают при увольнении с места работ вследствие призыва вознаграждение за две недели вперед по среднему зара-

ботку, т.-е. т.-наз. выходное пособие. Но в случае откомандирования рабочих и служащих предприятий в школы комсостава, расчет не может быть произведен при самом откомандировании, так как прием в школы зависит от результата испытаний и от прочих условий, которые вначале не могут быть учтены. В виду этого постановлением Народного Комиссариата Труда от 27 июня о командироваемых для укомплектования школы командного состава РККА («Изв. ЦИК СССР» от 28 июня, № 145) признано, что за откомандировываемыми рабочими и служащими предприятий, учреждений и хозяйств сохраняется место службы в течение месяца со дня откомандирования. В случае принятия их в школы они увольняются из предприятий с момента откомандирования с уплатой вышеуказанного выходного пособия.

5. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 16 апреля о выпуске II государственного выигрышного займа 1924 г. (обзор в № 17 «Еж. Сов. Юст.», А, п. 1), количество ежегодных тиражей выигрышей было определено: в 1924 году—4 раза, в 1925—1928 годах по 6 раз, а в 1929 году—1 раз. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 20 июня об уменьшении числа тиражей II государственного выигрышного займа 1924 года («Изв. ЦИК СССР» от 22 июня, № 140), определяет это количество следующим образом: в течение 1924—1928 годов по два раза в год, а в 1929 году—1 раз. Сроки тиражей, размер суммы, подлежащей выигрышу, а также распределение этой суммы на отдельные выигрыши, определяются Наркомфинансом Союза ССР.

6. Постановлением ЦИК и СНК Союза ССР от 20 июня об обращении в местные средства 50% доходов, поступающих от сдачи в аренду торфяных болот («Изв. ЦИК СССР» от 22 июня, № 140), соответственно дополнена ст. 36 временного положения о местных финансах («Собр. Узак.» 1923 г., № 111—112, ст. 1045), устанавливающая ряд отчислений от государственных налоговых и неналоговых доходов в местные средства.

7. Постановление СНК Союза ССР от 24 июня о распространении на войска ОГПУ постановления СНК СССР от 5 апреля 1924 года о продаже и обмене лошадей, выбракovaných в войсковых частях и учреждениях Раб.-Кр. Красной армии («Изв. ЦИК СССР от 25 июня, № 142), распространяет действие указанного постановления без изъятия на войска ОГПУ (см. обзор в № 17 «Еж. Сов. Юст.», А, п. 8). Инструкция к постановлению будет выработана по соглашению ОГПУ и Наркомфина СССР.

8. В № 142 «Изв. ЦИК СССР» от 25 июня опубликовано положение ЦИК Союза ССР от 13 июня о Центральном Издательстве народов Союза ССР, образовавшемся из слияния Центральных Восточного и Западного издательств. Издательство действует на началах коммерческого расчета и является юридическим лицом, самостоятельным в своих хозяйственных операциях. Издательство непосредственно подчиняемо Президиуму ЦИК Союза ССР, выполняющему в его отношении роль ВСНХ в отношении промышленных предприятий, переведенных на начала коммерческого расчета (трестах).

Б. ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА РСФСР.

1. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 18 февраля 1924 года о порядке применения декретов и постановлений центральной власти в пределах Дальне-Восточной области («Собр. Узак.» № 19, ст. 191 дополнено постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 23 июня (Изв. ЦИК СССР от 27 июня, № 144), согласно которому на территорию Д. В. О. распространены все декреты и постановления, действующие

щие в РСФСР, по государственному имущественному страхованию.

2. Постановлением Президиума ВЦИК от 23 июня («Изв. ЦИК СССР» от 27 июня, № 144 дополнено положение о дисциплинарных судах от 7 июля 1923 года («Собр. Узак.» № 54, ст. 531) применен к ст. 2, согласно которому в автономных республиках открываются по особым постановлениям Президиума ВЦИК отделения Главного дисциплинарного суда; председатель и члены отделений назначаются по представлению ЦИК'ов (в тексте указано: «Губернских исполкомов» — явная опечатка) соответствующих республик по заключению Главного дисциплинарного суда. Под контролем последнего, а также Прокурора РСФСР отделения осуществляют свою деятельность.

3. Существенным дополнением к Пол. о судостроительстве, кота и выделенным в особый законодательный акт, является утвержденное СНК РСФСР 20 июня положение о судебных переводчиках («Изв. ЦИК СССР» от 25 июня, № 42). Число переводчиков устанавливается губисполкомом по представлению губсуда и утверждается Народным Комиссариатом Юстиции. По выдержании испытания в знании иностранных языков переводчики назначаются на должности председателями губсудов. Переводчики должны удовлетворять условиям, указанным в ст. 47 Пол. о судостр. для судебных исполнителей и в ст. 53 для нотариусов; совещание должностей нотариусов и судебных переводчиков разрешается. Наблюдение и контроль над деятельностью судебных переводчиков осуществляется председателем губернского суда и нотариальным его отделением в порядке, установленном ст.ст. 54 и 55 Пол. о судостроительстве для нотариальных ст.ст. Обязанности судебных переводчиков сводятся к изготовлению и проверке верности переводов с русского языка на другие языки и обратно и к засвидетельствованию копий актов и друг. бумаг, писанных на иностранных языках. Они же обслуживают губсуды, нарсуды и следственный аппарат во всех случаях, требуемых ст.ст. 22, 140 и 167 УПК и ст. 9 ГПК. Плата за работу судебных переводчиков взыскивается по особой таксе. Вознаграждение переводчикам выплачивается за счет сумм, уплачиваемых за совершение нотариальных действий и переводов; кроме того, в их пользу поступают суммы, взыскиваемые со стороны в гражданском процессе за участие в деле переводчика.

4. Особенности службы в местах заключения вызвали издание постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 12 июня («Изв. ЦИК СССР» от 25 июня, № 142), согласно которому начальники, помощники начальников и надзиратели мест заключения приравнены в отношении правил внутренней службы и дисциплины к лицам, состоящим на действительной военной службе. Прием, перемещение и увольнение перечисленных должностных лиц производится приказами инспекции и начальников мест заключения по принадлежности; начальники мест заключения общегосударственного значения назначаются, перемещаются и увольняются Главным управлением мест заключения НКВД. На прочих служащих мест заключения распространяется в полном объеме Кодекса законов о труде.

5. Постановлением СНК РСФСР от 20 июня («Изв. ЦИК СССР» от 25 июня, № 142), изменено постановление СНК от 27 октября 1922 года о передаче Наркомзему пунктов Центрзака («Собр. Узак.», № 67, ст. 879), и медико-санитарное обслуживание переселенцев и переселенческих пунктов возложено на Наркомздрав.

6. Изъятием из постановления СНК от 28 декабря 1921 года является постановление СНК РСФСР от 24 апреля о предоставлении Московскому совету демуниципализировать дома с полезной жилой площадью до пятидесяти

квартирных сажен («Собр. Узак.» № 44, ст. 410). По действующему закону демуниципализации домов может производиться лишь при жилой их площади до 25 кв. саж. Постановление СНК от 25 апреля 1923 года о порядке демуниципализации домовладений («Собр. Узак.» 1924 г., № 1, ст. 9), перелесшее окончательное разрешение вопросов демуниципализации на места, предельной площади, допускаемой к демуниципализации, не изменило. Рассматриваемое постановление, разрешая Московскому совету демуниципализировать дома с большой площадью, предписывает включать в такие акты обязательство бывших домовладельцев восстановить дома. Постановление продиктовано соображениями хозяйственной целесообразности и имеет целью увеличение годной для жилья площади.

7. К числу специальных узаконений, имеющих особое значение, относится постановление СНК РСФСР от 21 апреля о разрешении Крымскому ЦИК'у установить десятипроцентную надбавку к местному налогу на увеселения в целях усиления борьбы с детской беспризорностью («Собр. Узак.», № 44, ст. 409). Постановление мотивировано значительным сосредоточением беспризорных детей в Крыму и скудостью средств последнего. На основании лит. «а» ст. 105 временного положения о местных финансах от 12 ноября 1923 года («Собр. Узак.», № 111 — 112, ст. 1045) постановление это подлежало также утверждению ВЦИК.

8. Начало национального раскрепощения и национального равноправия требует в области административного приспособления советского аппарата в национальных областях и республиках к быту коренного населения и привлечения последнего к активному советскому строительству. Постановление Президиума ВЦИК от 14 апреля о мерах к переводу делопроизводства государственных органов в национальных областях и губерниях на местные языки («Собр. Узак.» № 41, за 371) содержит ряд основных директив местным органам. Должна быть особо организована подготовка и переподготовка местных работников для обслуживания государственного местного аппарата. Переход к делопроизводству на местных языках совершается последовательно; в первую очередь этот переход должен производиться в частях аппарата, непосредственно обслуживающих широкие массы населения; в особенности должно быть обеспечено введение на местных языках разговорной речи сотрудников учреждений и предприятий. Предпочтение при приеме на государственную службу отдается лицам, знающим местные языки. Предусмотрен перевод на местные языки важнейших кодексов и декретов и в пространственном отношении. Переход на местные языки производится планомерно в зависимости от государственных ресурсов; в первую очередь он производится в республиках и областях, отставших от советской культуры, для которых русский язык является недоступным. Приняты вместе с тем меры против усложнения в связи с указанными мероприятиями работы центральных органов РСФСР; сношения с ними должны вестись местными органами на русском языке.

9. Согласно ст. 22 временного положения о местных финансах («Собр. Узак.», 1923 г., № 111—112, ст. 1045) жалобы плательщиков на обложение местными налогами и сборами рассматриваются особыми комиссиями; состав последних определен постановлением СНК РСФСР от 18 апреля о составе губернских и уездных комиссий по местному налоговому обложению («Собр. Узак.» № 44, ст. 408). Они образуются под председательством представителя местного

исполкома в составе (для губернской комиссии) заведывающего налоговым управлением губфинотдела, по одному представителю губсуда, губпрофсовета и губместхоза (коммуноотдела и совнархоза) и по два представителя от пла-

тельщиков. Аналогичен состав уездной комиссии (отсутствует лишь представитель судебного органа).

М. Брагинский.

Из деятельности Нар. Ком. Юстиции.

Разъяснения Отдела Законодат. Предпол. и Кодификация НКЮ.

Должен ли считаться рабочий, мобилизованный в партийном порядке на советскую работу, лицом, потерявшим связь с предприятием и, как потерявший связь, подлежащим выселению в административном порядке?

Отдел Законод. Предпол. и Кодификация НКЮ в ответ на № 1395 от 10 мая 1924 года разъяснил приемной Совнаркома РСФСР, что согласно ст.ст. 78, 79, 80, 81 и 82 Кодекса законов о труде за рабочим сохраняется среднее жалование только при служебной командировке или при кратковременном участии в качестве представителя на съездах, конференциях и собраниях, созываемых государственными, профессиональными или кооперативными органами. Призванные же в Красную армию получают только за две недели вперед по среднему заработку, следовательно, они считаются потерявшими связь с предприятием.

Откомандирование рабочего в партийном порядке от станка на советскую работу, по разъяснению III Отдела, уподобляется мобилизации в Красную армию. Следовательно, связь с предприятием у рабочего утрачивается и выселение в административном порядке может иметь место, однако, с предоставлением рабочему тех же льгот, что и призванным в Красную армию: выселение только в летнее время при условии предоставления годного для жилья помещения и транспорта (прим. к ст.ст. 4 и 5 инструкции о выселении граждан «Собр. Узак.», 1924 год, № 8, ст. 45).

О применении постановления СТО от 29 февраля 1924 г. о прекращении исчисления платежей по обязательствам и установления тарифов и такс в товарных рублях.

Правление Всероссийского текстильного синдиката запросило Отдел Законод. Предп. и Кодиф. по поставленному в заголовке вопросу; III Отдел НКЮ дал следующие разъяснение:

Постановление СТО от 29 февраля 1924 г. («Собр. Узак.» № 35, ст. 341) устанавливает в качестве категорического правила, что договоры и всякие обязательства, совершенные до 1 марта в товарных рублях, подлежат переводу на золотую валюту по твердому паритету: 1 рубль товарный равен 1 рублю 30 коп. золотом.

Целью этого постановления было: с введением твердой валюты установить исчисление денежных обязательств по договорам исключительно в твердой валюте; смысл же постановления 29 февраля 1924 года именно в установлении

одинакового времени и единообразного метода перевода всех договорных обязательств, выраженных в товарных рублях в твердую валюту.

Отсюда вывод: содержание названного постановления СТО направлено на все заключенные в товарных рублях договоры, независимо от времени их заключения и без различия в этом отношении между частными лицами и государственными и общественными учреждениями и предприятиями. При этом постановление от 29 февраля 1924 г. должно относиться как к платежам срочным, после 1 марта, так и к произведенным расчетам по платежам срочным ранее 1 марта.

Должны ли быть выдаваемы ломовому возчику 15% следуемого ему вознаграждения облигациями 2-го выигрышного займа?

В ответ на № 7/254 правления о-ва «Транспорт» от 3 июня с. г. Общеконсультационный п/отдел III Отдела разъяснил, что ломовой возчик, работающий лично без применения наемного труда со своею лошадью на заказчика, является мелким подрядчиком, так как в отношении между возчиком и заказчиком выступают обычные черты договора подряда, указанные в ст. 220 Гражд. Код., именно: такой возчик на свой риск обязуется выполнить определенную работу (перевозку клада) по заданию другой стороны (владельца клада), которая в свою очередь обязуется дать вознаграждение (напр., с пуда клада) за выполнение задания. С точки зрения формальной юридической логики такой возчик, как всякий подрядчик, повидимому должен был бы получать 15% следуемого вознаграждения облигациями 2-го выигрышного займа. Но ряд узаконений о принудительном размещении названного займа предполагает лиц, имеющих более крупные нетрудовые доходы и не склонных добровольно поддерживать кредит Рабоче-Крестьянского Правительства.

Поэтому следует различать: возчик-извозпромышленник, пользующийся наемным трудом работника на его хозяйской лошади, или же ломовой возчик, лично работающий на своей собственной лошади.

Первому облигации 2-го выигрышного займа должно выдавать, как и всякому иному подрядчику; второй же приравнивается к рабочему, работающему по трудовому договору со своим инструментом, и облигации ему не выдаются.

Из деятельности Верховного Суда РСФСР.

Кассационные определения гражданск. касс. коллегии.

Определение по делу № 3187.

Разница между ст.ст. 187, 189, 195, 196 и 198 Гр. Кодекса заключается в том, что первые две имеют в виду нарушения договора, сводящиеся к непередаче покупателю проданного имущества или предложению несоответствующего условиям договора имущества, тогда как остальные указанные статьи именуют в виду ответственность продавца за отсутствие в проданном и уже переданном имуществе условных по договору качеств, при чем согласно 198 ст. истец может домогаться установления судебным решением лишь одного из перечисленных в ст. 198 трех последствий.

Именем РСФСР 1924 года, июня 12 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председателя С. В. Александровского, членов: Ф. В. Лиде, В. С. Селезнева, при прокуроре В. П. Чапурском, в открытом судебном заседании слушал дело по иску гр. Бабаева к моск. отд. Крайторга ВСНХ на Юго-Востоке России о 1.340,355 червонцах по маклерской сделке, по кассационной жалобе ответчика на решение арбитражной комиссии при Московской товарной бирже от 14 декабря 1923 года, коим определено: 1) на удовлетворение гражданина Григория Павловича Бабаева взыскать с Крайторга при Промбюро на Юго-Востоке России триста семьдесят восемь целых, триста сорок четыре копейки (378,314) червонцев с узаконенными процентами по 6% на сто с 21 сентября 1923 года по день платежа, в остальных требованиях гр. Бабаеву отказать, 2) подсолнечное масло, отстой в количестве семидесяти семи (77) пудов признать подлежащего возвращению Крайторгу при промбюро Юго-Востока России, 3) взятые на заводе Бабаева пробы подсолнечного масла для анализа вернуть истцу, 4) издержки всего производства в размере сорока восьми (48) червонных рублей взыскать с ответчика в пользу Бабаева.

Обстоятельства дела заключаются в следующем:

4 августа Бабаев купил у Крайторга по маклерской записке, совершенной на Московской товарной бирже, около 2.000 пудов подсолнечного масла пищевого, хорошего качества. Цена масла определялась в 0,775 червонцев за пуд франко цистерна на станции отправления, с уплатою 25% в виде задатка, 25% против дубликатов и остального против товара.

21 сентября по прибытии цистерны на ст. Бутово на завод Бабаева масло было перекачено в бак и барабаны. Заявив Крайторгу, что перекаченное масло оказалось плохого качества, что, по показанию свидетеля Тиграна Степанова, можно было усмотреть еще при вскрытии цистерны, а 2/Х обратился даже с отношением об обратном принятии масла.

25 сентября представителями обеих сторон был составлен акт осмотра перелитого масла, при чем оба они, хотя несколько и разошлись во мнениях, признали неудовлетворительные качества продукта. Вторично подобный же акт составляется 5 октября 1923 г.

Не достигнув мирового соглашения с Крайторгом, Бабаев 1 ноября 1923 года предъявил в арбитражной комиссии при Московской товарной бирже к своему контрагенту иск 1) о замене полученных 1.636 пуд. негодного масла маслом кондиционного качества или 2) о взыскании с ответчика уплаченных на масло и провоз его 1.340,355 червонцев с 6% годовыми с 21 сентября 1923 года.

Рассмотрев настоящее дело и произведя экспертизу качества масла, арбитражная комиссия пришла:

1) что пробы масла, взятого из хранилища арендуемого Бабаевым Бутовского завода, соответствуют по качеству пищевому растительному маслу ниже среднего сорта, за исключением совершенно негодного отстоя, который должен быть принят продавцом обратно;

2) что, поскольку своими дальнейшими переговорами с Крайторгом, равно как и самым фактом перекачки масла из цистерны, Бабаев выразил свое согласие на принятие его, несмотря на несоответствие по качеству договорным условиям, следует признать, что Бабаев не имеет права претендовать на расторжение договора, а может лишь добиваться скидки с покупной цены. Таковую скидку суд и определил в размере 15% + 10%, из коих 15% положено на различие в сортах поставленного и договорного масла, а 10% на понижение цен между днем перекачки масла и вчинением иска. При этом, установив такое понижение в размере 20%, комиссия распределила их поровну между сторонами, признав вину Бабаева в том, что ему, как покупщику, надлежало выявить больше осмотрительности при приеме масла и такового не перекачивать, а также не задерживать предъявления требований более чем на месяц со дня обнаружения недостатков масла.

На основании этих соображений арбитражной комиссией и вынесено вышеуказанное решение, на которое Крайторгом принесена кассационная жалоба, а противной стороной объяснение на кассационную жалобу.

Рассмотрев настоящее дело, кассад. коллегия находит: 1) что арбитражная комиссия свое решение обосновала на ст.ст. 187, 189, 195, 196 и 198 Г. К., между тем, как первые две из указанных статей никакого отношения к настоящему делу не имеют, так как относятся к нарушению договоров, сводящемуся к непередаче покупателю проданного имущества или предложению имущества, несоответствующего условиям договора, с вытекающими отсюда последствиями в смысле требования исполнения договора и передачи ему проданного имущества, с возмещением убытков, либо в смысле требования только убытков с отказом от исполнения договора. Между тем, ст. 195 имеет в виду ответственность продавца перед покупателем за отсутствие в проданном (а следовательно, и в том случае, когда проданное имущество уже передано) имуществе условленных по договору качеств, а также за обнаруженные в проданном имуществе недостатки, с вытекающими отсюда последствиями в смысле требования согласно 198 ст.: 1) либо поставление вещей надлежащего качества, если проданные вещи определены родовыми признаками, 2) либо соответствующего уменьшения покупной цены, 3) либо расторжения договора и возмещения всех убытков (ст. 117), 2) что указанные ст.ст. 195, 196, 198 ГК и подлежали применению к настоящему делу, но арбитражная комиссия в явное нарушение 198 ст. допустила одновременно присуждение в пользу истца Бабаева не только уменьшение покупной цены масла в размере 15%, но и возмещение убытков в размере 10% вследствие падения цен на масло ко времени доставления покупщику этого масла продавцом Крайторгом. При этом арбитражная комиссия в явное нарушение 117 ст. ГК пришла к выводу, что лишение истца возможной прибыли при наличии разницы между кондиционной ценой масла и возвысившейся рыночной ценой на то же масло можно выводить из факта понижения цен, а не как-раз

наоборот из факта повышения таких, что по рассматриваемому делу не имеет места; 3) что вывод арбитражной комиссии о необходимости применения 195 и 196 ст. ст. ГК по вопросу о своевременном со стороны покупателя заявлении о недоброкачественности полученного товара с вытекающим только в таком случае, согласно 198 ст. ГК, самым правом покупателя на предъявление иска находится в явном противоречии с установленными в самом решении арбитражной комиссии фактическими обстоятельствами, сводящимися к тому, что истец Бабаев не проявил достаточной коммерческой осторожности и осмотрительности, что прибывшее на станцию Бутово подсолнечное масло уже в цистерне отдавало кислотным запахом и что Бабаев, если он не имел намерения оставить масло за собою, не должен был перекачивать его в заводский бак и цистерны, а потому гражданская кассационная коллегия определяет: руководствуясь 237 и 246 ст. ст. ГПК и разъяснением пленума Верховного РСФСР от 16 февраля 1924 года, решение арбитражной комиссии при Московской товарной бирже от 7—10 декабря 1923 года отменить и предоставить сторонам определить дальнейший способ разрешения их спора вновь в арбитражной комиссии в другом составе или в общем судебном порядке.

Определение по делу № 3317.

Злоупотребление гражданами предоставляемым им законом гражданским правом (ст. 1 Гр. Кодекса) в явный ущерб трудовой части населения, рабочих.

Имеем Р. С. Ф. С. Р., 1924 г., июня 11 дня, Верховный Суд по кассационной коллегии по гражданским делам, в составе: председатели С. В. Александровского, членов Ф. В. Лице, В. С. Селезнева, при прокуроре В. П. Чапурском, в открытом судебном заседании слушал частную жалобу (в пор. 249 ст. ГПК) гр. Рубинштейна на определение Мосгубсуда от 21-го января 1924 г., по делу по иску Бобылева, Невского, Климко и др. к жалобщнику и гр. Цаплину о признании недействительным договора, по вопросу об обеспечении иска.

Принимая во внимание: 1) что по делу, возбужденному Рубинштейном против Цаплина по обвинению последнего в мошенничестве, заключавшемся в том, что, заключив арендный договор с Рубинштейном и не выполнив его, он затем сдал в аренду ту же квартиру Невскому, добившемуся демунципализации своего дома и переселившему жильцов этого своего дома в помещение, арендованное у Цаплина, состоялся приговор уголовного суда, а именно: нарсуда Баумановского района г. Москвы от 15 июля 1923 года, коим Цаплин осужден по 187 ст. У. К., при чем гражданский иск Рубинштейна, помимо взыскания в его пользу убытков в размере 500 руб. золотом, удовлетворен в смысле признания за Рубинштейном права на квартиру по первоначальному договору с Цаплиным с переселением из этой квартиры временно вселенных в нее жильцов (а их оказалось до 30 человек рабочих) обратно в дом № 6, принадлежавший Невскому;

2) что Рубинштейн, получив исполнительный лист по упомянутому делу, обратил приговор в части гражданского иска в установленном порядке к исполнению, по це-

медленное исполнение оказалось невозможным, т. к. дом Невского оказался занятым новыми жильцами. Вслед за этим Невский в нарсуде Баумановского района предъявил иск к Цаплину и Рубинштейну, в котором показывал, что упомянутый выше приговор уголовного суда в части гражданского иска не мог вступить в законную силу в отношении целого ряда лиц, которые участия в деле не принимали, очевидно, имея при этом в виду, судя по содержанию искового заявления, целый ряд рабочих, переведенных им из своего дома в помещение, арендованное у Цаплина. Дело по этому иску нарсудом было прекращено ввиду уже разрешения спорного вопроса приговором уголовного суда, по определением Мосгубсуда от 6-го февраля 1924 года решение нарсуда отменено с передачей дела для разбора по существу в тот же суд в другом составе;

3) что независимо от упомянутого выше иска тот же Невский и несколько рабочих, проживающих в спорном помещении, предъявили в Мосгубсуде 5-го января 1924 года иск к тем же Рубинштейну и Цаплину о признании потерявшим силу основного арендного договора, заключенного Цаплиным с Рубинштейном, каковой иск по ходатайству истцов определением Мосгубсуда от 21-го апреля 1924 года обеспечен путем приостановления выселения рабочих-жильцов спорного помещения и на каковое определение гр. Рубинштейном принесена в кассационную коллегию Верховного частная жалоба;

4) что участвующий в заседании гражданской кассационной коллегии Верховного представитель прокуратуры, найдя приговор уголовного суда в части разрешения гражданского спора неправильным, дал заключение о необходимости в целях опротестования в этой части приговора уголовного суда направления настоящего дела в порядке 440 ст. УПК прокурору Верховного;

5) что таковое заключение прокурорского надзора является вполне правильным, так как не только разрешение частной жалобы Рубинштейна, являющейся предметом рассмотрения кассационной коллегии в настоящее время, но и разрешение упомянутых выше двух исков в нарсуде и в губсуде стоит в самой тесной связи с изложенным выше приговором уг. суда в части разрешения гражданского иска, в каковой части нарсуд неизвестно по каким основаниям говорит о временном вселении рабочих в спорное помещение и непонятно по каким законным основаниям определил обратно вселить рабочих в дом Невского, при чем в случае опротестования приговора уг. суда, несомненно, возникнет для разрешения вопроса, не допущено ли Невским и Цаплиным нарушение 1 ст. Гр. Код. в смысле использования ими принадлежащего им гражданского права по арендованию имущества, вопреки социально-хозяйственного назначения этого права, в смысле злоупотребления этим правом, каковой вопрос может возникнуть при наличии описанных выше действий Цаплина и Невского, гражданская коллегия определяет:

1) настоящее дело в порядке 440 ст. УПК направить на распоряжение прокурора при Верховном;

2) производство по делу, как по частной жалобе Рубинштейна на определение Мосгубсуда от 21 января 1924 года, так и по производящимся в нарсуде и Мосгубсуде искам Невского и рабочих к Рубинштейну и Цаплину, на основании 113 ст. ГПК приостановить.

Х Р О Н И К А.

Проект изменений декрета о трестах.

Как уже сообщалось на страницах «Еж. Сов. Юст.» (№ 17, стр. 408), ЦИК и СНК Украины издали в прошлом году свой декрет о трестах, передавший право СТО и ВСНХ СССР ЭКОСО и ВСНХ Украины, установивший опубликование балансов и отчетностей в украинских официальных органах и введший обязательство для всех трестов, зарегистрированных в РСФСР, производить операции в пределах Украины только с разрешения Экоосо Украины.

Необходимость единства промышленно-торгового законодательства, установления соответствия декрета о трестах от 10 апреля 1923 года о новой структуре госорганов, равно обеспечения нормальной деятельности госпредприятий на территориях союзных республик, привели ВСНХ СССР к выработке согласованных с конституцией СССР изменений декрета о трестах, внесенных в ЦИК и СНК Союза.

Проект изменений состоит в следующем. Ст. 4 декрета должна быть дополнена примечанием 2-м в такой редакции: «Права, предоставленные настоящим декретом СТО и ВСНХ и обязанности на них возложенные, осуществляются в отношении общесоюзных предприятий СТО и ВСНХ СССР по принадлежности, а в отношении предприятий, находящихся в непосредственном ведении союзных республик, ЭКОСО и ВСНХ соответствующей союзной республики, за исключением прав и обязанностей, указанных в примечании к ст. 9, в первом примечании к ст. 39, остающихся за СТО СССР, и в ст. 44 — остающихся за ВСНХ СССР».

Ст. 10-ю проект добавляет третьей частью: «Публикация уставов предприятий, находящихся в непосредственном ведении ВСНХ союзных республик, производится в «Собр. Узак.» союзной республики».

К ст. 12 вводится примечание: «После регистрации правления трестов, состоящих в непосредственном ведении ВСНХ союзных республик, обязаны представлять через ВСНХ СССР в одном экземпляре заверенные копии устава, описи и оценки принятого имущества, вступительного баланса и протокола ревизионной комиссии по проверке вступительного баланса, а также справку о состоявшейся регистрации».

В ст.ст. 13 и 38 после слов: «в газете «Экономическая Жизнь», добавляется: «и в соответственном органе союзной республики».

В ст. 28, к п. «д», вводится примечание: «В отношении предприятий, находящихся в непосредственном ведении ВСНХ союзных республик, эконо союзных республик утверждают производственные планы на основе общепроизводственного плана СТО СССР».

Ст. 48 добавляется второй частью следующего содержания: «В исключительных случаях, вызываемых необходимостью регистрирования цен в общесоюзных интересах, СТО предоставляется устанавливать отпускные цены для трестов, находящихся в непосредственном ведении ВСНХ союзных республик».

Ст. 49 дополняется также 2-й частью: «В исключительных случаях, вызываемых интересами обороны, а также для выполнения общесоюзного хозяйственного плана допускается занаряживание продукции трестов, находящихся в непосредственном ведении ВСНХ союзных республик, постановлениями СТО».

Издаваемые в развитие декрета о трестах инструкции

ВСНХ (прим. к п.п. «а» и «г» ст. 28, ст. 35, прим. 2-е к ст. 39) должны исходить в отношении предприятий, находящихся в непосредственном ведении ВСНХ союзных республик, от последних уже в согласии с общими указаниями ВСНХ СССР.

Утверждение и издание проекта изменений к декрету о трестах предполагает тем самым отмену упомянутого выше декрета ЦИК и СНК Украины.

Развитие горного законодательства.

В развитие положения о недрах земли от 13 июля 1923 г., ВСНХ СССР разработаны и в настоящее время проводятся в жизнь ряд инструкций по применению норм положения о недрах земли на практике.

Согласованная с НКЗемом инструкция об отводе участков поверхности для нужд горной промышленности проводит полное отделение понятия поверхности от понятия недр и обязывает органы НКЗема беспрепятственно отводить требуемую поверхность в порядке землеустройства, либо в порядке сдачи в аренду.

Инструкции ВСНХ предусматривают права первого открывателя недр обнаруженных им путем поисков или разведок. В пределах территории СССР поиски всех ископаемых разрешаются свободно, за исключением закрытых для поисков и разведок районов, где имеются ранее обнаруженные и разработанные недра, или же районов, где поиски могут затрогивать интересы народного хозяйства в целом или в отдельных его отраслях (городецкого, жел.-дор.). Изъятие этих районов происходит по соглашению ВСНХ с соответствующим наркоматом. По окончании разведок заявителю выдается отводный акт на эксплуатацию участка, но только в том случае, если горным ведомством признается за данным месторождением промышленное значение. К аренде месторождений в первую очередь допускаются госпредприятия, вслед за которыми остальные участки идут для всех конкурентов с торгов.

По инструкции ВСНХ СССР часть своих прав передоверяет ВСНХ отдельных республик и их областным органам.

В отношении общераспространенных пород ископаемых, как-то: глина, песок, предусматривается упрощенный порядок сдачи их в аренду с целью облегчения разработки их мелкими промышленниками.

Право разведки и эксплуатации целебных и минеральных источников предоставляется преимущественно НКЗдраву.

Особой инструкцией по разведке и эксплуатации нефтяных месторождений предусматриваются жесткие правила порядка их разведки и эксплуатации во избежание развития так-наз. столбовладения, т.е. установки заявочных столбов на возможно большей площади, хотя бы даже неразведенной, ради закрепления этой площади за собой с целью спекуляции ею.

Развитие горного законодательства в настоящее время ведется в направлении сводя его в специальный горный кодекс. Работа по кодифицированию в этой области осложняется отсутствием материалов, которые бы соответствовали требованиям современного горного права и техники. Однако, крайняя важность урегулирования взаимоотношений организаций и лиц, занятых в горной промышленности, приводит к необходимости производства кодификационной работы в интересах горного права и вытекающего отсюда генерального размежевания горных площадей.

На местах.

Деятельность юрид. Донского совета профсоюзов.

Деятельность юридического бюро при Донском областном совете профсоюзов за истекший год характеризуется тремя основными поставленными им задачами: приближением юридической помощи к массам путем открытия приема в городах Нахичевани и Темернике; популяризации правовых идей среди членов профорганизации; подготовкой кадров практикантов из рядов рабочих для работы сначала в бюро, а затем непосредственно на предприятиях. С точки зрения этих трех задач следует производить и оценку всей годовой работы юридбюро.

Открытие приема в Нахичеванской страховой кассе к концу отчетного года дало до 158 посещений в месяц. Опыт в Темернике показал, что особой надобности в специальном юридбюро здесь не имеется, ибо жел.-дор. рабочие предпочитали обращаться за юридической помощью в линейный отдел профсоюза железнодорожников. Вывод: при наличии приема в Ростове-на-Дону, при приеме в Нахичевани при союзах водников и железнодорожников потребность членов профсоюзов в юридической помощи в полной мере удовлетворяется.

Выдвижение вопроса о правовой грамоте было основано на положении, что распространение правовых идей является мерой профилактической, предупреждающей совершение нарушений.

Помимо того, в основу была также положена мысль, что во всяком случае призывающиеся к выполнению функций нарзаседателей рабочие должны получать достаточные знания в области советского законодательства.

В виде опыта юридбюро Донсовпрофа организовало собеседование с женщинами-нарзаседателями по вопросам материального и процессуального права с уклоном в сторону выяснения правового положения женщины по советскому законодательству. Собеседования вызвали большой интерес. Приходится лишь пожалеть, что загрузка к концу 1923 года юридбюро работой по составлению прошений и жалоб на неправильное исчисление подоходного налога не дала возможности продолжить в это время собеседования.

Надо оговориться, что все же юридбюро в известной мере компенсировало этот недочет постановкой ряда докладов по вопросам трудового и общесоветского законодательства на общих собраниях рабочих различных союзов. Сюда относятся доклады на темы: «Новый и старый кодекс законов о труде», «Трудовое положение женщины в дореволюционное и в настоящее время», «Правовое положение женщины и ребенка по сов. законодательству», «Преступление

и преступник по учениям антропологической и социологической школ» и информационные доклады о порядке взимания квартирной платы и налогов.

Третью задачу юридбюро Донсовпрофа: подготовку практикантов за отчетный период выполнить не удалось за отсутствием сил и времени. Реализация этой задачи является ближайшей целью работы текущего года.

Цифровые данные о посещаемости юридбюро дают представление о количестве выполненной юридбюро работы. Следует предварительно оговориться, что нижеприводимые цифры не совсем полны, ибо регистрировались лишь первичные обращения, повторные же составляют 1—2% их, затем в период наибольшего наплыва посетителей юридбюро волей-неволей приходилось отказываться от регистрации малозначительных случаев.

Всего обращений за 1923 год было 7.627 (6.109 мужч. и 1.518 женщин); из них 5.292 рабочих (69,4%), 1.946 служащих (25,5%), 143 инвалидов труда (1,7%) и 246 неорганизов. (3,4%).

По профессиональному членству большие цифры дали пищевики—4.134 (14,9% по отношению ко всему количеству членов профсоюза), совработники—1.030 (11,2% всего числа членов профсоюзов), металлисты—682 (20,1%), абсолютные цифры остальных профсоюзов ниже, но для некоторых из них процент в отношении общего числа членов профсоюза выше, доходя у швейников до 30,8%, а у текстильщиков даже до 43,3%, наименьший у железнодорожников—2,3%. Со стороны учреждений и предприятий зарегистрировано всего 107 обращений, главным образом, от профсоюзов.

По содержанию вопросов обращения в бюро распределяются так: в области административного права (налоги, жилищи, коммунальн., штрафы и пр.), зарегистрировано 1.904 обращения или 73,3% всего числа их; в области гражданского права (семейн., обязательств., наследственные и пр.)—767 или 9,8%; в сфере трудового законодательства—728 или 9,2%; по вопросам уголовного права (главным образом преступления против личности и имущества)—573 или 7,4%.

Работа юридбюро по обращениям выражалась в составлении прошений—2.585; устных советов—3.279, переговорах—479, выдаче справок—586, письменных консультациях—79 и выступлениях в суде—726.

Из последних в пользу рабочих и служащих было решено 416 дел, против—83, без окончательного результата—227. Из окончательных дел в пользу рабочих—83%.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Систематический указатель юридической литературы за июнь 1924 года.

1. Общие вопросы права.

Р. Гальперин.—«О курсах-б'ездах» («Вести. сов. юст.», № 14).

С. И. Раевич.—Из вопросов учения о толковании и применении права (основные направления в буржуазной литературе). («Советское право» № 3).

Проф. В. К. Серенников.—Учение Канта о праве и государстве. («Советское право» № 3).

II. Государственное, административное и международное право.

Проф. Г. С. Гурвич.—Принципы автономизма и федерализма в советской системе. (Издательство Соцакадемии. М. 1924 г. Стр. 75. Ц. 50 к.

Проф. В. Н. Дурденевский.—Послевоенные конституции Запада. В. I. Соединенные Штаты.—Ирландия.—Польша.—Литва.—Латвия.—Эстония.—Финляндия. Госиздат. М. 1924 г. Стр. 135. Ц. 1 р. 25 к.

Проф. В. Н. Дурденевский.—Послевоенные конституции М. 1924 г. Стр. 135. Ц. 1 р. 25 коп.

Проф. В. Н. Дурденевский.—Послевоенные конституции Запада. В. II. Германия.—Чехия.—Австрия.—Сербия.—Хорватия.—Словакия. Румыния. Госиздат. Л. 1924 г. Стр. 167. Ц. 1 р. 50 к.

Проф. А. Н. Макаров.—Основные начала международного частного права. Юридическое Из-во НКЮ РСФСР. М. 1924. Стр. 166. Ц. 1 р. 50 к.

А. Белобородов.—О сельских советах. («Власть советов» № 2).

Проф. Г. С. Гурвич.—Принципы автономизма и федерализма в советской системе («Советское право» № 3).

Проф. Е. А. Корвин.—Международное признание СССР и юридические его последствия («Советское право» № 3).

Проф. Ал. Малицкий. Президентский кризис во Франции. («Вести. сов. юст.» № 15).

И. С. Перетерский. Исходные моменты международного частного права РСФСР («Советское право» № 3).

Р. Рейн.—Об упрощении аппаратов автономных республик и областей («Власть советов» № 2).

III. Трудовое право.

И. И. Аншелес.—Законы о найме рабочих и служащих и ответственность за их нарушения. Изд. «Право и жизнь». М. 1924.

Я. А. Канторович.—Коллективный договор. Изд. Культпросв. отдела Ленинградского совета профсоюзов. Л. 1924.

Н. Аристов.—Биржи труда и смычка с крестьянством («Вопросы труда» № 5—6).

А. Я.—К вопросу об источниках трудового права («Вопросы труда» № 5—6).

А. М. Бахутов.—Ближайшие задачи Наркомтруда («Вопросы труда» № 5—6).

А. М. Бахутов.—8 часов для рабочих и 8 часов для служащих. («Вопросы труда» № 5—6).

Б. К.—Чрезвычайный закон о надзоре за деятельностью профсоюзов в Италии («Вопросы труда» № 5—6).

С. Гальперин.—Социальное страхование во Франции. («Вопросы труда» № 5—6).

Л. Герман.—Обзор печати по вопросам труда. («Вопросы труда» № 5—6).

Заводский.—Наша безработица и меры борьбы с нею. («Власть советов» № 2).

А. Исаяв.—Очерки борьбы с безработицей. («Вопросы труда» № 5—6).

Б. Кац.—Социальное страхование служащих в Германии и Австрии. («Вопросы труда», № 5—6).

К. Б. и Е. М.—Первые шаги трудовой прокуратуры на местах. («Вопросы труда» № 5—6).

А. Лях.—Законы о труде и жизнь. («Вопросы труда» № 5—6).

Н. Милотин.—Положение и задачи дела социального обеспечения РСФСР. («Власть советов» № 2).

Л. Минц.—Рынок труда в России. («Вопросы труда» № 5—6).

М. Ж.—Обзор иностранной литературы по вопросам труда. («Вопросы труда» № 5—6).

Б. Невская.—Инспекция труда в Англии и ее работа. («Вопросы труда» № 5—6).

М. Нефедов.—Предварительные итоги работы по охране труда за 23 г. и очередные задачи. («Вопросы труда» № 5—6).

Р. Орлов.—Новая расчетная книжка. («Вопросы труда» № 5—6).

С. З.—Борьба со сверхурочными работами. («Вопросы труда» № 5—6).

И. Трицкий.—Оплата труда при трудовом договоре неопределенного содержания. («Вопросы труда» № 5—6).

IV. Земельное право.

М. М. Гершков и Е. И. Кельман.—Комментарий Из-во «Сорабкоп». Киев. 1924. Стр. 208. Ц. 1 р. 50 к.

М. Щербина.—Допустима ли конфискация имущества отдельного члена крестьянского двора, составляющего его долю в общем имуществе. («Вести. сов. юст.» № 14).

V. Судостроительство.

Василенко.—Земсудкомиссии или земсесии на рекуда? («Вести. сов. юст.» № 15).

А. С. Кирзнер.—Несколько слов об адвокатуре. («Вести. сов. юст.» № 15).

И. С.—Меры к упрощению делопроизводства на рекуда. («Вести. сов. юст.» № 15).

Влад. Смерст.—Адвокатура старая и молодая («Вести. сов. юст.» № 15).

В. Солдатенко.—О юридической помощи на селе. («Вести. сов. юст.» № 15).

VI. Гражданское право и гражданский процесс.

А. П. Макагонов.—Подряды и поставки по действующему законодательству. Новое положение о подрядах и поставках с извлечениями из Устава о гербовом сборе. Предисл. Е. П. Нинавдер. Из-во НКПС «Транспечать». М. 1924.

Е. Мен.—Имущественное страхование по законодательству С. С. С. Р. Изд. Госстраха. Библиотека страхового работника № 2. М. 1924 г. Стр. 63. Ц. 30 к.

В. Голубев.—Условия фрахтовых договоров в современной практике СССР («Вести. сов. юст.» № 15).

А. Есава.—Еще о юридической природе брака («Вести. сов. юст.» № 15).

Н. Зильберштейн.—К вопросу о праве наследования. («Вести. сов. юст.» № 15).

Я. А. Канторович.—Судьба строений, возведенных застройщиком. («Вести. сов. юст.» № 15).

А. Д. Кейнен.—Организационно-правовые формы торгового мореплавания СССР. («Советское право» № 3).

В. Кузятин.—Возмещение за вред по Гражданскому Кодексу и социальное страхование. («Вопросы труда» № 5—6).

Г. М. Лазарев.—К вопросу о нашем валютном законодательстве. («Вести. сов. юст.» № 14).

В. А. Степаненко.—К вопросу о браке по проекту Кодекса законов об актах гражданского состояния. («Вести. сов. юст.» № 14).

VII. Уголовное право, уголовный процесс и пенитенциарная наука.

Я. М. Грушевский.—К вопросу о технике судебных приговоров. («Вести. сов. юст.», № 14).

И. М.—Пенитенциарное дело в РСФСР за 1923 год. («Советское право» № 3).

Проф. П. И. Люблинский.—Гарантии прав подозреваемого при производстве дознания. («Вести. сов. юст.» № 15).

Н. И. Сикорский.—Магнание плода. (К вопросу об ответственности по 146 ст. У. К.). («Вести. сов. юст.» № 14).

Е. Яковлев.—К вопросу о «гарантиях прав подозреваемого при производстве дознания». («Вести. сов. юст.» № 15).

Письмо в Редакцию.

Положение военных следователей.

Есть люди в аппарате Паркомоста, о которых мало кто знает, никто, кроме ближайшего начальства не заботится, люди в армейскую обстановку и общественную жизнь военнослужащих не ввязавшиеся в большинстве случаев, а от гражданской жизни оторванные в силу своего специфического положения, и на их настоящее положение и перспективы на будущее хотелось бы обратить внимание.

Военно-следовательский аппарат трибуналов в настоящее время подобран совершенно случайно, и редко можно встретить военседа, проработавшего 1½—2 года на этой должности. Это в большинстве случаев политработники, оставшиеся в силу свертывания армии за штатом и направленные в трибуналы. Другая категория, очень и очень незначительная, это «старые» юристы, не нашедшие себе другого применения в нашей обстановке. Результат этого: небольшая кучка, редко больше 2—3 человек бывших, все же вооруженная теоретическим багажом, чрезвычайно быстро ориентируется в работе и, видя около себя партизев-следователей, начинает пытаться влиять на них. Только самостоятельность и выработанная революционной борьбой настойчивость помогают следователям оставаться вне влияния, хотя оговариваюсь, что в других трибуналах положение может быть другое. Работа, чем дальше, все

более и более осложняется, с плеча рубить и распутывать те или иные запутанные дела наскоком нельзя, а следователи остаются все теми же профанами в следработе или темными, неизвестными и чужими для нас людьми.

В этом кроется большая опасность. Реперешный состав следователей-партизев двигать по службе нельзя в силу неподготовленности, чужаки это чувствуют и должным образом реагируют. Я знаю случай, когда беспартийный военседа с темным прошлым, старый юрист, в присутствии партийных следователей заявил, что ему на руку, что помпрокурора уходит, значит, таковым будет он. «Других, ведь, нет?»—ответил он вопросом на вопрос к нему, как эго он, беспартийный, думает быть помпрокурора.

Работники гражданской юстиции имеют в перспективе курсы, школы и т. п., и уже едут, уже приезжают подготовленными на работу, а мы еще не знаем ни одного случая посылки туда военного судработника. Командный и политический состав армии имеет целую систему учебных заведений, а мы ничего.

Что будет с нашими работниками через 2—3 года по выходе из армии с практическими знаниями глав «воинские преступления» и «преступления по должности» УК? Хотелось бы услышать, что и о нас начинают заботиться.

Военный следователь Подлесный.

ОТ РЕДАКЦИИ.

- 1) Редакция просит авторов присылать рукописи, по возможности, перепечатанные на машине или написанные четким почерком на одной стороне листа.
- 2) Редакция оставляет за собой право сокращений и редакционных поправок, не влияющих на содержание, если нет прямого возражения автора.
- 3) Рукописи высылаются авторам почтой только в случае приложения почтовых марок. Для ответов на всякого рода запросы должна быть также приложена почтовая марка. По истечении полугода со дня получения рукописи, не взятые обратно, уничтожаются.
- 4) Гонорар получается в редакции самими авторами. Иногородным высылается за вычетом почтовых расходов если указан точно адрес.

ОФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

СО Д Е Р Ж А Н И Е:

Циркуляры Наркомюста: №№ 98, 99, 100, 101, 102, 103.—Список предс. и зампредов губернских и областных судов, утвержденных с 1-го июня до 1-го июля 1924 г.—Список предс. и зампредов губ. и облсудов, отозванных с занимаемых должностей в период с 1-го июля до 1-го июля 1924 г.

Циркуляры Наркомюста.

Циркуляр № 98.

Всем обл. и губпрокурорам.

О наблюдении органами прокуратуры за соблюдением местными органами правил реэвакуации детей.

Ниже публикуемый циркуляр ВЦИК от 20 июня 1924 г. за № ПУ 842—7/28 предлагается принять к руководству и неуклонному исполнению.

Зам. Наркомюста и Старший Пом. Прокурора
Республики **Крыленко.**

30 июня 1924 года.

Циркулярно.

Всем центральным исполнительным комитетам автономных республик, входящих в РСФСР.— Всем исполнительным комитетам автономн. обл., всем губ. и облисполкомам РСФСР.

Некоторыми органами советской власти производится массовые переброски детей из одной местности в другую без предварительного согласования вопроса с подлежащими органами власти и без выяснения возможности приема и размещения детей на новом месте, при чем названные переброски нередко совершаются без всякого плана и не на родину детей, а совершенно в чуждые им местности.

В результате указанных мероприятий усиливается детская беспризорность; отправляемые дети попадают в чуждые им условия, а принявшие их учреждения не имеют в своем бюджете средств на содержание их сверх комплекта.

Для устранения отмеченных явлений и в целях внесения планомерности в осуществление местными органами реэвакуации детей Президиум ВЦИК предлагает к руководству нижеследующее:

1. Прекратить всякого рода массовую реэвакуацию детей и переброски их из одной местности в другую целыми партиями.

2. В виде отдельных исключений допускать частичную реэвакуацию детей, имеющих родителей, родственников или близких лиц, могущих принять этих детей на свое иждивение.

3. При производстве указанной в п. 2 частичной реэвакуации должны обязательно удостовериться не только факты проживания родителей, родственников или близких к детям лиц в том городе и в той местности, куда производится реэвакуация, но и возможность этих лиц принять детей на свое иждивение.

4. Дети, не имеющие родителей или родственников, могущих взять их на свое иждивение, могут быть реэвакуированы только в тех случаях, когда соответствующее губернское принимающей губернии (области, республики) дает на это свое согласие.

5. Перевозки детей, частично реэвакуируемых, должны производиться в сопровождении специального руководителя по назначению местного органа народного образования, а дети свыше 16 лет могут отправляться без сопровождающих, но с условием снабжения их соответствующими документами и средствами на переезд и обязательно до конечного пункта отправки.

6. Реэвакуирующие органы должны осуществлять наблюдение за тем, чтобы отправленные ими дети прибыли на место назначения и были бы переданы соответствующим лицам, принимающим их на иждивение, или же детскими учреждениями своевременно. Ответственность за правильное и планомерное выполнение реэвакуации возлагается на отправляющие детей учреждения.

7. При отправке детей различных национальностей должны учитываться моменты национальной принадлежности отдельных детей, в соответствии с которыми и должно производиться размещение детей по детским учреждениям и у отдельных лиц, принимающих этих детей на иждивение а также направление детей в те или другие местности РСФСР.

8. Частичная реэвакуация детей, предусмотренная настоящим циркуляром, осуществляется на местах аппаратом губоно под ответственностью и руководством губоно и губдеткомиссии.

9. На органы прокуратуры возлагается наблюдение за неуклонным осуществлением местными органами настоящего циркуляра и привлечение к ответственности за самочинное проведение реэвакуации детей и несоблюдение установленных для последних правил.

Председатель ВЦИК **М. Калинин.**
Секретарь ВЦИК **А. Киселев.**

20 июня 1924 года.
№ ПУ 842—7/28.

Циркуляр № 99.

Циркуляр № 100.

Всем губсудам и губотделам труда.**О борьбе с обходами законодательства о труде.**

Практика профессиональных союзов и п/отделов охраны труда выявила за последнее время ряд случаев обхода предпринимателями законов о труде как в отношении квартирников, так и в отношении рабочих, занятых в мастерских. Обходы эти имеют целью скрыть трудовые отношения под формой гражданско-правовых отношений, якобы существующих между предпринимателями и рабочими, как между самостоятельными сторонами.

В отношении квартирников эти обходы обычно выражаются в том, что предприниматели поуждают квартирников выбирать на свое имя личные промышленные свидетельства (патенты), благодаря чему квартирники из наемных рабочих превращаются в якобы самостоятельных производителей, по отношению к которым предприниматель не связан никакими ограничительными нормами трудового законодательства.

Часто предприниматель в целях сокрытия факта пользования наемным трудом квартирников вовлекает их в фиктивные договоры купли-продажи (продажа якобы принадлежащих квартирникам готовых изделий), переработки (изготовление изделий из материалов предпринимателя) и т. п.

В отношении рабочих, занятых в мастерских, эти обходы трудового законодательства выражаются в том, что предприниматель заключает с рабочими фиктивные договоры об учреждении производственных артелей, товариществ и т. п., в которых наемные рабочие якобы являются участниками в прибылях предприятия.

Понуждая рабочего к выборке личного промышленного свидетельства и к заключению фиктивных договоров (купи-продажи, товарищества, артели и т. п.), предприниматель тем самым лишает рабочего возможности состоять членом профсоюза и в то же время препятствует профсоюзу в осуществлении предоставленных ему советским законодательством прав по защите труда указанных категорий рабочих.

В виду наложенного во всех тех случаях, когда при разборе дела в народном суде суд сам или на основании заявлений сторон, профсоюза или инспекции труда (ст. 33 Гр. Код. и ст. 151 Код. зак. о труде) усмотрит в деле сокрытие, подобно вышесказанному, трудовые отношения, он обязан передать дело на рассмотрение по подсудности в трудовую сессию, а в тех местах, где таковой нет, разбирать дело при обязательном вызове представителя соответствующего профессионального союза.

Суд, установив наличие между сторонами трудовых отношений, должен не только признать, согласно ст. ст. 30—35 Гр. Код., прикрывающую эти трудовые отношения, фиктивную сделку недействительной, но и привлечь предпринимателей к уголовной ответственности по ст. ст. 132 и 134 Угол. Кодекса.

При этом в тех случаях, когда нарушения зак. о труде обнимают группу рабочих как занятых в мастерских, так и работающих порознь, следует применить II ч. ст. 132 Уг. Кодекса, руководствуясь при этом циркуляром Верховного Суда РСФСР от 22-го февраля 1924 года, № 4. («Еж. Сов. Юст.» 1924 г. № 9, — «Изв. НКТ СССР» № 13—14 1924 г.).

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Ст. Пом. Прокурора
Республики **Крыленко.**

Народный Комиссар Труда **Бахутев.**

1 июля 1924 года.

Всем губернским и областным судам.**О взимании сборов при совершении нотариальных действий от имени или при участии кооперативных объединений, организуемых Наркомсобесом.**

В виду возникающих затруднений относительно взимания сборов при совершении нотариальных действий от имени или при участии кооперативных объединений инвалидов, организуемых Наркомсобесом, Народный Комиссариат Юстиции предлагает для руководства губернских и областных судов и нотариальных контор следующую разъяснение, согласованное с Наркомфинансом РСФСР.

Хотя п. 13 декрета СНК от 8 декабря 1921 года («С. У.» 1921 г. № 79, ст. 671) и освобождал кооперативные объединения инвалидов, организуемые Наркомсобесом, от всех налогов и сборов, но в изменение указанного п. 13 декретами ВЦИК и СНК от 20 июня 1923 г. («С. У.» 1923 г., № 61, ст. 571) и от 21 марта 1924 года (№ 69 «Изв. ЦИК» 1924 года) льготы по освобождению от налогов и сборов сохраниены лишь в отношении промышленного налога. Не упоминается ни о каких льготах для кооперативных объединений ни в таксах уплаты нотариальных действий («С. У.» 1922 г., № 75, ст. 935; 1923 г. № 16, ст. 205, № 74, ст. 725; 1924 г. № 15, ст. 129), ни во временном положении о местных финансах («С. У.» 1923 г., № 112—113, ст. 1045). Таким образом, объединения инвалидов не освобождаются ни от платы за нотариальные действия, ни от надбавки в местные средства к этой плате (ст. 37 врем. полож. о местных финансах).

От уплаты гербового сбора кооперативные объединения инвалидов освобождены (Подробн. алф. переч., общие положения, ст. 4, п. «к»). По делам же принадлежащих этим объединениям или находящихся в их ведении коммерческих предприятий как платящих промышленный налог, так и освобожденных от него, гербовый сбор взимается на общем основании.

Зам. Народного Комиссара Юстиции **Крыленко.**

Член Коллегии НКЮ **Бранденбургский.**

2 июля 1924 года.

Циркуляр НКЮ № 101,

НКТ № 70/1909.

Всем губернским судам.**О недопустимости пересмотра решений расценочно-конфл. комиссий.**

В виду замеченных неоднократно случаев принятия к производству особыми сессиями народного суда по трудовым делам исков, уже разрешенных постановлениями расценочно-конфликтных комиссий, и отмены постановлений последних, НКЮ РСФСР, по соглашению с Наркомтрудом РСФСР, предлагает принять к руководству следующее:

1. В силу ст. 173 Кодекса законов о труде и ст. 13 пол. о РРК («С. У.» 1922 г. № 74, ст. 911) решения расценочно-конфликтных комиссий обжалованию не подлежат. Таким образом, если решение РРК не отменено в порядке надзора органами Наркомтруда, то оно имеет обязательную силу как для участников дела, так и для всех учреждений

Республики, в том числе и для судов, и, следовательно, разрешенные РКК споры не могут быть пересматриваемы в судебном порядке, как уже рассмотренные компетентным органом.

2. Вследствие изложенного ни трудовые сессии маршудов, ни маршуды не вправе принимать к производству дела, разрешенные постановлениями расценочно-конфликтных комиссий, согласно ст. 172 Кодекса законов о труде и положению о РКК, как неподсудные судебным учреждениям. Дела этого рода, находящиеся в производстве, должны быть прекращены.

Зам. Нар. Ком. Юстиции РСФСР **Крыленко.**

Народный Комиссар Труда РСФСР **Бахутов.**

3 июля 1924 года.

Циркуляр № 102.

Всем губернским и областным судам.

О недопустимости хранения губ.- и облсудами на текущих счетах сумм, превышающих месячную потребность.

Из сметных материалов на 1924—25 г. усматривается, что некоторые губ.- и облсуды хранят на текущих счетах, вопреки § 88 циркуляра НКЮ № 209, опубликованного в «Еженедельнике Советской Юстиции» № 40—1923 г., значительные суммы, превышающие месячную потребность.

Считая явление это ненормальным, так как излишние денежные суммы, находясь на текущих счетах учреждений без использования, лишают государство своевременных денежных подкреплений, Народный Комиссариат Юстиции предлагает под личную ответственность заведующих материальными отделениями не держать сумм, превышающих месячную потребность.

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Ст. Пом. Прокурора

Республики **Крыленко.**

3 июля 1924 года.

Циркуляр № 103.

Всем губсудам и облсудам.

О необходимости включать в обвинительные приговоры по делам об акцизных нарушениях постановление об удовлетворении гражданского иска косналога по взысканию акциза.

По сообщению НКФ, на практике нередко наблюдается случай, когда маршуды при вынесении обвинительных приговоров по делам об акцизных нарушениях не указывают в этих приговорах об удовлетворении гражданского иска косналога по взысканию акциза.

Ввиду этого НКЮ предлагает при вынесении приговоров по указанным делам во всех случаях наличия гражданского иска косналога по взысканию акциза включать в приговор постановление об этом гражданском иске, как бы ни были незначительны размеры последнего, так как этим, помимо удовлетворения законных требований казны, достигается укрепление налоговой дисциплины среди населения.

Зам. Нар. Ком. Юстиции и Ст. Пом. Прокурора

Республики **Крыленко.**

Член Коллегии НКЮ **Бранденбургский.**

7 июля 1924 года.

Список председателей и зампредов губернских и областных судов, утвержденных НКЮ с 1 июня до 1 июля 1924 года.

1. Курский губернский суд.

Председатель **Сетинсон, Эрест Карлович.**

Зам. председателя **Берзиц, Жан Генрихович.**

Справка: отношение НКЮ от 23 июня с. г. за № 12/16333.

2. Мурманский губсуд.

Председатель **Наравихин, Андрей Федорович.**

Зам. председателя **Сиротник, Григорий Васильевич.**

Справка: отношение НКЮ от 11 июня с. г. за № 12/15195.

3. Нижегородский губсуд.

Председатель **Качалов, Михаил Николаевич.**

Справка: отношение НКЮ от 28 июня с. г. за № 12/16819.

4. Рязанский губернский суд.

Зам. председателя **Алифанов, Алексей Михайлович.**

Справка: отношение НКЮ от 3 июня с. г. за № 12/14516.

5. Чеченский областной суд.

Председатель **Шерипов, Даниил Бек.**

Зам. председателя **Арбузов, Василий Ефимович.**

Справка: отношение НКЮ от 13 мая с. г. за № 12/12241.

6. Ярославский губернский суд.

Зам. председателя **Орлов, Александр Данилович.**

» » **Шышко, Михаил Иванович.**

Справка: отношение НКЮ от 3 мая с. г. за № 12/14533.

Список председателей и зампредов губернских и областных судов, отозванных с занимаемых должностей в период с 1 июня до 1 июля 1924 года.

1. Донской областной суд.

Зам. председателя **Склярский, Иван Абрамович.**

Справка: отношение НКЮ от 11 июня с. г. за 12/15208.

2. Кабардино-Балкарский областной суд.

Зам. председателя **Блицау, Барл Давидович.**

Справка: отношение НКЮ от 11 июня с. г. за № 15207.

3. Курский губернский суд.

Председатель **Берзиц, Жан Генрихович.**

Зам. председателя **Ключин, Тимофей Васильевич.**

Справка: отношение НКЮ от 23 июня с. г. за № 16333.

Издатель: Народный Комиссариат Юстиции.

Ответственный редактор: Ред. Коллегия.

Москва, Главлит № 23925.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный, 9.

11.000 экз.